

О Батыре
Олджобае
и о девушке,
погибшей
из-за горестной
любви

КИРГИЗГОСИЗДАТ
ФРУНЗЕ 1958

Перевод с киргизского
ИРИНЫ ВОЛОБУЕВОЙ

**О БАТЫРЕ ОЛДЖОБАЕ И
О ДЕВУШКЕ, ПОГИБШЕЙ ИЗ-ЗА
ГОРЕСТНОЙ ЛЮБВИ**

Редактор *В. Журавлев*
Оформление *В. Жукова*
Корректоры *П. Лесничая, С. Кузнецова*

Худ. редактор *И. А. Ефимов*
Технич. редактор *А. Бейшенов*

Сдано в набор 6/1 1958 г. Подписано к печати 4/V-1958 г. Бумага 84X108^{1/32} 4.37
физ. печ. л., 7,17 условн. печ л., 7,6 уч- изд. л. Тираж 30000 экз. Заказ № 639.
Цена без переплета 4 р. 55 к. Переплет 1 р. 50 к.

Фрунзе, типография № 1 Главиздата Мин. культ. Кирг. ССР.

Глава I

Мил в Киргизии батыр
По прозванию Солтобай.
Был он родом, говорят,
Из народа кыпчаков.

Был он молод, был богат,
Был он долго не женат,
Ни одной красотки взгляд
Сердца гордого его
Не тревожил, говорят.

Было это в Тор-Айгыре,
Там, где пёстрые цветы,
Там, где сладко распевает
Соловей среди листвы,
Где сверкают белизною
Гор зубчатые хребты,
Где журчит ручей прозрачный,
Где в лощинах тают льды,
Где высокая трава
Небывалой высоты,
Где, как жемчуг рассыпной,
Бродят овцы у воды.

Шелестит камыш густой,
С гор, тропинкою крутой
Скачет рысью конь гнедой.
Грустен всадник молодой:
«Где красавицу найти
Несравнимую с луной?»

По земле своих отцов
Год он едет, и другой,
Каждый камень на пути,
Словно слиток золотой,
Из расщелин чёрных скал
Серебро бежит струей.

Едет всадник молодой
За красавицей-женой.
Всем прекрасен этот край,
Жён хоть сотню выбирай,
Но по сердцу ни одной
Не находит Солтобай.

Оседлав своих коней,
С доброй свитою друзей
Он свои оставил земли
И пустился в дальний путь.

Если в мире, под луной,
Нет по сердцу ни одной,
Значит просто не судьба
Солтобаю жить с женой.

* * *

Мимо гор, сквозь мглу тумана,
Скачут всадники вперёд.
Вот на землях Чилмайрана
Травы щиплет тучный скот.
Табуны по ветру скачут,
Нет нигде таких коней,
Как у бая Кулджигача,
Нет людей его богаче,
Краше, чем у Кулджигача,
Нет в аиле дочерей.

Говорят, что только глянешь
На красавиц молодых,
От очей, от кос их длинных,
И от стати лебединой
Оторвать не сможешь взгляд.
Словно звёзды в небе ясном,
Эти девушки прекрасны,—
Так в народе говорят.

Говорили Солтобаю,
Что сестёр стройней и краше
Бегимджан, в семье у бая.
Лоб высокий, бровь густая,
Косы шёлком перевиты;
И что пери молодая
Никого себе по сердцу
Не находит из джигитов.

И с друзьями Солтобай,
Лошадей пуская вскачь,
Прибыл, будто невзначай,
В тот аил, где правил бай
По прозванью Кулджигач.

«Так ли девушка скромна?
Так прекрасна ли?»— спросил,
«Где же спрятана она?
Где красавица?»— спросил.

И из белой юрты вдруг,
Словно к берегу волна,
Вышла пери, как луна,
Как речной камыш стройна.
И воскликнул Солтобай:
«Слушай, сват, любой ценою
Быть моей она должна!»

Солтобай, увидев пери,
Потерял покой и сон.
Разве может быть спокойным
Тот, кто молод и влюблён!
В ту же ночь просил он свата,

Чтобы в утреннюю пору
Приступили к разговору
С Кулджигачем—богачом.
Мол, жених за пери эту
На любой калым согласен,
Мол, любой на свете выкуп
Солтобаю нипочём!

По утру, из белой юрты,
Словно пеночка из клетки,
Плавно вышла Бегимджан.
На бок голову склонила,
И расчёсывает косы,
И глаза её сверкают,
Словно утренние росы.

Солтобай торопит свата:
«Пусть любой калым попросят,
Весь свой скот и всё богатство
Я отдам за пери эту:
Долго ездил я по свету,
Но у девушек-красавиц
Глаз таких, такого стана,
Ни в одном аиле нету!»

На предгорьях Чилмайрана
Травы щиплет тучный скот.
Табуны по ветру скачут.
Нет нигде таких коней,
Как у бая Кулджигача,
Нет людей его богаче,
Краше, чем у Кулджигача,
Нет в аиле дочерей!

В Чилмайране выше горы,
Ярче, солнечней, просторы,
Овцы двойнями рождаются
Винограда слаще гроздь.
В юрте, убранной богато,
Кулджигач встречает свата:
«Ты откуда будешь гость?»

«Прибыл я из Тор-Айгыра,
Прибыл я с хорошей вестью.
У кого красotka-дочка,
Для того не удивленье
Разговоры о невесте.
Не чуждайся слова свата,
Я скажу тебе без лести:
Дочь твоя зари прекрасней,
И стекла светлей и чище,
Но зачем сидеть на месте
Взрослой дочери-невесте?»

За красавицей такою
Мы б пешком прошли весь свет!
Посоветуйся с друзьями,
Посоветуйся с женою,
И быстрее давай ответ.
Солтобай жених на славу —
Молод, знатен и богат.
Отдавай батыру дочку,
Отдавай без лишних слов!
Солтобай большого рода —
Из народа кыпчаков.

Наш жених подстать невесте.
Слушай, старый Кулджигач,
Нет нигде, наверно, в мире
Чище рек и гуще трав,
Выше гор, чем в Тор-Айгыре.
Славный там живет народ!
Там на пастбищах богатых
Ровных солнечных долин
Больше, чем хребтов горбатых,
Чая больше, чем джармы,
Больше суши, чем болот,
Где живет наш славный род!

Там у нас луна круглее,
Там и солнце ярче светит,
Там пасутся гуси стаей,
Там народ у нас не даром
Почитает Солтобая.

Станем сватами с тобою, —
Будем в дружбе, как в родстве.
Если есть хороший друг, —
И помощник этот друг,
И советчик этот друг
И удачу, и беду, —
Всё с тобой разделит друг!

Ты за дочь бери, что хочешь,
Мы дадим любой калым!
Скот откормленный пригоним
К добрым пастбищам твоим,
В табуны твои пригоним
Самых лучших из коней.
Я пришел к тебе не гостем,
А пришел к тебе, как сват.
И пока не дашь согласия,
Не могу уйти назад!»

И когда иссякли речи,
Сват пошел за Солтобаем.
И жених предстал пред баем,
Опустив смущенный взгляд.
Был он молод, был прекрасен,
Так в народе говорят.

* * *

Кулджигач позвал жену,
Пригласил своих соседей.
Все в просторной юрте сели,
И промолвил старый бай:
«Надо свату дать ответ,
Сообща обдумать надо
Нашу дочь за Солтобая
Выдать замуж или нет?!

Солтобай хорош собою.
Видно послан он судьбою
Старшей дочери в мужья,
Коль приезжий ей по сердцу,
Коль признать его согласна.
Возражать не стану я.

Только выкуп мне не нужен
Я хочу, сказать по правде,
Чтобы он не только мужем
Был для дочери моей,
Пусть он будет нам и сыном,
Если бог, к несчастью, не дал
Нам с женою сыновей.

Мы ему вот так ответим:
—Если дочь тебе по сердцу,
Прикочуй из Тор-Айгыра!
Нет у нас сына-батыра.
Бегимджан хотя и дочь,
Ну, а кто с её уходом
Позаботится о нас.
Нет в семье у нас батыра,
Нет у мальчика у нас.

Если скажет: прикочую,—
Отдадим её тогда!
Если скажет: буду сыном, —
Отдадим её тогда!
Скажет: буду к вам заботлив,—
Отдадим её тогда.
Не уйду в аил свой,— скажет,
Отдадим её тогда!

Но ни слова пусть об этом
Не узнает Кудаке.
В нем таится столько злости,
Сколько камушков в реке.
Хочет сам на ней жениться,
Будет он на нас сердиться,
Услыхав о женихе.
Не вступай с ним в разговоры,
Пусть не ведает пока!
Он затеять может ссору,
Услыхав про жениха!

Я, жена, тебе об этом
Говорю сейчас не зря!

Года два уже, как метит
Сын Кочкора к нам в зятя.
Но такой ли зять нам нужен?
Солтобай — хорош жених!
Ты пойдика и снаружи
В юрту тихо загляни!»

И крадётся осторожно
Мать невесты Бегимджан
На батыра посмотреть.
И приблизясь к юрте белой,
Где приезжий гость сидит,
В щёлку тихо поглядела
И, вернувшись, говорит:
«Солтобай жених, что надо!
Если дочь не увезет,
Если жить захочет рядом,
Пусть красавицу берёт!
Говорят, что он и знатен,
И отважен, и богат.
Посылай людей за сватом!»

И явился званый сват.
Вышел вместе с Кулджигачем,
Сел на холмик с ним, у юрты.
И промолвил старый бай:
«Правду люди говорят:
Сватовство — святое дело
Для того, кто не женат!

Мы с тобой придем к согласью!
Мне верблюды не нужны,
Кобылицы не нужны,
И бараны не нужны,
И коровы не нужны,
Никакой мне скот не нужен!
Если мы друзья с тобою,
От тебя я, сват, не скрою:
С жениха не брать калыма
Порешили мы с женою!
Ведь у нас сыночка нету,
Ведь у нас батыра нету,

Если я глаза закрою, —
Значит, глаз хозяйских нету,
И богатства, значит, нету.

Увезти не дам я дочку!
Ведь меня за жизнь ни разу
Бог не радовал сынком.
Я без старшей дочки сразу
Стану дряхлым стариком.

Если ты со мной согласен,
С женихом решай своим.
Объясни, что не желаю
Я за дочку брать калым.
Объясни всё Солтобаю,
Надевай-ка шубу свата,
На дарёной кобылице
Поезжай быстрее за ним!

Вот земля вам, чтобы править,
Вот красавица-невеста,
Вот бесчисленное стадо.
Что еще батыру надо?

У меня племянник есть:
Сын Кочкора — Кудаке.
Он, поверь, не будет ждать,
Как услышит эту весть
О приезде женихе.
Соглашайся, добрый сват.
Солтобая видеть зятем
Буду я с женою рад!
Дочь свою с большим приданым
Солтобаю я отдам.
Иль ты думаешь, мне нечем
Молодых озолотить?
Соглашайся, ведь не вечно
Мне на белом свете жить!»

Все мечты свои и думы
Свату Кулджигач открыл.
Не хитрил. Ни в чём душою

Перед ним не покривил.
Курама (так звали свата)
Был доволен разговором:
Значит пери без калыма
Солтобай получит скоро!

Сват приходит к Солтобаю
Свадьбе радуясь заране.
Говорит: «Твоё желанье
Рад исполнить Кулджигач!
Станешь тестю добрым
сыном, —

Дочь отдаст он без калыма.
Прикочуй из Тор-Айгыра
Поселись, мырза, у них!
Принимай его условие,
Не колеблясь, соглашайся,
Ты—счастливейший жених!

Бегимджан, твоя невеста,
Куст граната, луч рассвета,
Взгляд её лучится светом,
Как серебряная чаша,
Шейка розового цвета.
Кто бы знал, что клад подобный
Мы с тобой отыщем где-то!
Станешь мужем без калыма,
По душе ль тебе всё это?

Много юрт поставят здесь,
Скот сюда пригонят весь,
Если девушку возьмешь,
Всё отдаст богатый тесть!
Откочуешь от народа,
Словно звёздочка растаешь.
А с любимой женою
Станешь полною луною,
Соловьём счастливым станешь,
Распевающим весною!

Если думать очень много,
В сердце будет много грусти.

Если будем думать много,—
Мы красавицу упустим.
Я хочу, что б ты женился
На прекрасной Бегимджан.
Я, когда её увидел,
Сам в красавицу влюбился!

Что ты думаешь о свадьбе,
Что, мырза, ответишь мне?
Соглашайся, станешь сыном,
Станешь радостью в семье!
Взять красавицу-жену,
Тестя доброго иметь,
Это, брат, не скакуну
Сбрую новую надеть!

Оставайся в Чилмайране.
Будешь жить в чужом аиле,
Как в родимом Тор-Айгыре!
Как прекрасен здешний край,
Как богат и знатен бай,
Ты, мырза, увидишь сам!»

И ответил Солтобай:
«Как я брошу свой народ
Из-за девушки одной?
Как народу изменить?
Лучше мне вовек не жить
С долгожданною женой!
Уходи обратно, сват,
Успокой её отца,
Умудрись, чтоб взял калым,
Упроси, чтоб сделал той.
Я ведь тоже не товар,
Чтоб на дочь идти в обмен!
Ты скажи, что, мол, народ,
Не простит поступок мой!
Пусть хоть тысячу отар
Бай берет за дочку в дар!

Если ради Бегимджан
Я оставлю свой народ,

То, скажи, куда я дену
Многочисленный свой скот?
Пусть упрямый Кулджигач,
Как отец меня поймёт!
Как мне свой народ оставить,
Кто народом будет править?
Не возьмут у нас калыма, —
Назовут нас бедняками!
Объясни, что не к лицу
Мне в нахлебники идти,
Объясни, что не к лицу
Быть слугой её отцу!»

И покуда Солтобай
Это свату говорил,
Подошла с подружкой к юрте
Молодая Бегимджан.
Наклонила гибкий стан,
И тайком, дыша едва,
Приложила к щёлке ухо,
И услышала слова:
«Сильный ястреб быстроекрылый,
С неба к озеру слетая,
Схватит гуся в перьях белых,
С ним взовьётся в вышину.
Сокол беленькую утку
Схватит ловко из аила.
Про меня ж народ мой скажет:
Сам не смог добыть жену!
Попытайся, Курама,
Повлиять на Кулджигача,
Пусть берёт от нас, что хочет,
Пусть берёт любой калым,
Пусть берёт добро любое!»

И за белой юртой стоя,
Вдруг сказала Бегимджан:
«Не бери печаль на сердце,
Не бери у бая дочку,
Не желаешь, — не бери!
Если б правда было стыдно
Брать невесту без калыма,

То тогда б тебя об этом
Не просил бы мой отец.
Если ты, мырза, не хочешь
Быть отцу любимым сыном,
Быть хозяином не хочешь, —
Возвращайся—и конец!

Но, когда домой придешь,
Своему скажи народу:
Что невеста без калыма
Выходить была согласна,
И скажи, что сам решил ты
Отказаться от меня.
Возвращайся, Солтобай,
В свой аил, в кыпчакский край,
Поверни назад коня!

Из родительского дома
Без отцовского согласия
Не поеду за тобой!
Может мой другой избранник
С виду будет много хуже
По сравнению с тобой,
Но пойду я за такого,
Кто меня, мырза, оценит,
Видно мне не ты, приезжий,
Предназначен был судьбой!
Ты ж красивее невесту
Может где-нибудь найдешь,
Только раньше, чем жениться,
Ты спроси сначала мненье,
Той, которую берешь!
Много я таких видала
Женихов, как ты, влюблённых,
Поезжай теперь к другой!
Отыщи себе такую
Чтоб бежала за тобой!»

И воскликнул в изумленье
Восхищенный Солтобай:
«Гнев красавицы прекрасен!
За отважность этой речи.

Я у бая Кулджигача
Быть прислужником согласен.
Бегимджан, как пригвоздила
Откровенными словами,
В миг меня, как будто силой,
Опрокинула на землю.

Стану сыном в их семье!
Разве может эта речь,
Разве может гордость эта
Сердца к сердцу не привлечь!
Из-за этих слов разумных
Без калыма я женюсь!
К Тор-Айгырскому народу
Я отсюда не вернусь!

Не уйду от Кулджигача,
Пусть берёт мою свободу!
Только съезжу ненадолго
Я к кыпчакскому народу.
Буду зятем старику,
Буду сыном старику».

Курама пожал плечами
И вернулся к Кулджигачу,
И опять в беседе с ним
Предлагал, хитрец, калым.
Говорил и так, и этак,
Но сердясь на Кураму,
Повторял старик упрямо:
«Ни копейки не возьму!»

«Если б твой мырза влюбился,
Он без выкупа б женился.
Стал бы сыном для меня!
Необъезженные кони
Ждут батыра-ездока,
Ждет хозяина богатство,
Дом умелой ждёт руки.
Вам дают источник счастья,
Что ж вам надо, чудаки?!»

Курама поднялся с места:
«Слово старшего — закон!»
Кулджигач поднялся с места,
Изменил суровый тон.
И как будто брата брат,
Обнимает свата сват.
Сыплют им муку под ноги,
И готовят пышный той.

Солтобай из Тор-Айгыра
С той поры для Кулджигача
Стал как будто сын родной.
Чилмайран для Солтобая
Стал теперь родной землёй.
Реки сделались родными,
Травы сделались родными,
Птицы сделались родными,
И предгорья, и леса,
Где в тени идут цепочкой
Круторогие архары,
Из оврага льются воды,
Птица ловчая взлетает
В синий купол небосвода.
Утки крикают в болотах,
И меж солнечных предгорий
На лисиц идёт охота.

Хорошо на землях бая,
И невеста Солтобая
Из хорошего народа.

* * *

Если девушка с джигитом
Жизнь свою соединяет,
По обычаю киргизов —
Погостить в семье невесты
Молодого оставляют.

Хороша у бая дочка!
Кто посмотрит на неё,
У того немеет сердце,

И не может наглядеться
На невесту Солтобай.
Наконец, решил он съездить
В свой аил, в кыпчакский край.

А Кочкора—брата бая —
Злило это сватовство.
С кыпчаком незванным этим
Не хочу вступать в родство!
Кто заставил Кулджигача
Гостю юрту отвести?
Кто заставил Кулджигача
Дочь без выкупа отдать?

Услыхав про эти речи,
Рассердился старый бай:
«Бегимджан — моё дитя!
Для меня дороже брата,
Ближе сына Солтобай.
Дал я слово Солтобаю,
Дал я слово Кураме,
Если слово не сдержу я,
Кто же станет верить мне?»

И сказал он Солтобаю:
«Поезжай, сынок, к народу
Со спокойною душой.
Будет дочь твоей женой.
Я ли слово не сдержу,
Убелённый сединой?
Ты, батыр, в богатой юрте
Рядом, будешь жить со мной.
Понемногу снаряжайся, —
К Тор-Айгыру путь далёк,
И в аил наш возвращайся,
Будем ждть тебя, сынок».

Вот жених вдвоем со сватом
Отправляются в дорогу.
Шестьдесят замужних женщин,
Сорок девушек аила
Провожать пришли приезжих.

Словно козочка степная,
Появилась Бегимджан.
И проворно к Солтобаю
Подвела сама коня.
И батыра усадила,
И прощаясь с ним сердечно,
Голову свою склонила
И шепнула: «Приезжай
Мой избранник, Солтобай!
Приезжай назад быстрее!
Если ты не будешь к сроку,
Брат отца затеет склоку,
Мне тогда не быть твоей!»

И простясь с невестой грустной,
Солтобай пустился в путь.
Гнал коней, что было мочи,
Утром гнал, и днем, и ночью,
Забывая отдохнуть.

Через горы, через доли
Гнал горячего коня.
Прискакав, сказал народу:
«Эй, послушайте меня!
Был я в дальнем Чилмайране,
Был у бая Кулджигача,
Дочь его луны прекрасней,
Приглянулась пери мне!
Прибыл я сказать — «прощай»
Той земле, где я родился,
Той земле, где научился
С детства ездить на коне;
Взяв невесту без калыма,
Я нарекся в сыновья.
Что вы скажете на это,
Правильно ли сделал я?»

Кыпчаки собрались вместе.
И влюбленный Солтобай
Рассказал им о невесте,
Расписал тот дальний край.
И решили всем народом —
Пусть он едет в Чилмайран.

Через реки скачут кони,
По лесам несутся кони,
По степям несутся кони,
По оврагам скачут кони,
По равнинам скачут кони,
Скачут в дальний Чилмайран,
И в пути жених мечтает
О прекрасной Бегимджан.

Впереди его отряда
Многочисленное стадо,
Позади идут верблюды,
Нагруженные добром.

В ожиданье Солтобая,
Кулджигач готовил той,
Пышный той, богатый той.
Для гостей баранов резал,
Наполнял котлы едой,
Для гостей готовил игры.
К удивлению народа,
Сам поехал встретить гостя,
Поскакал, как молодой.

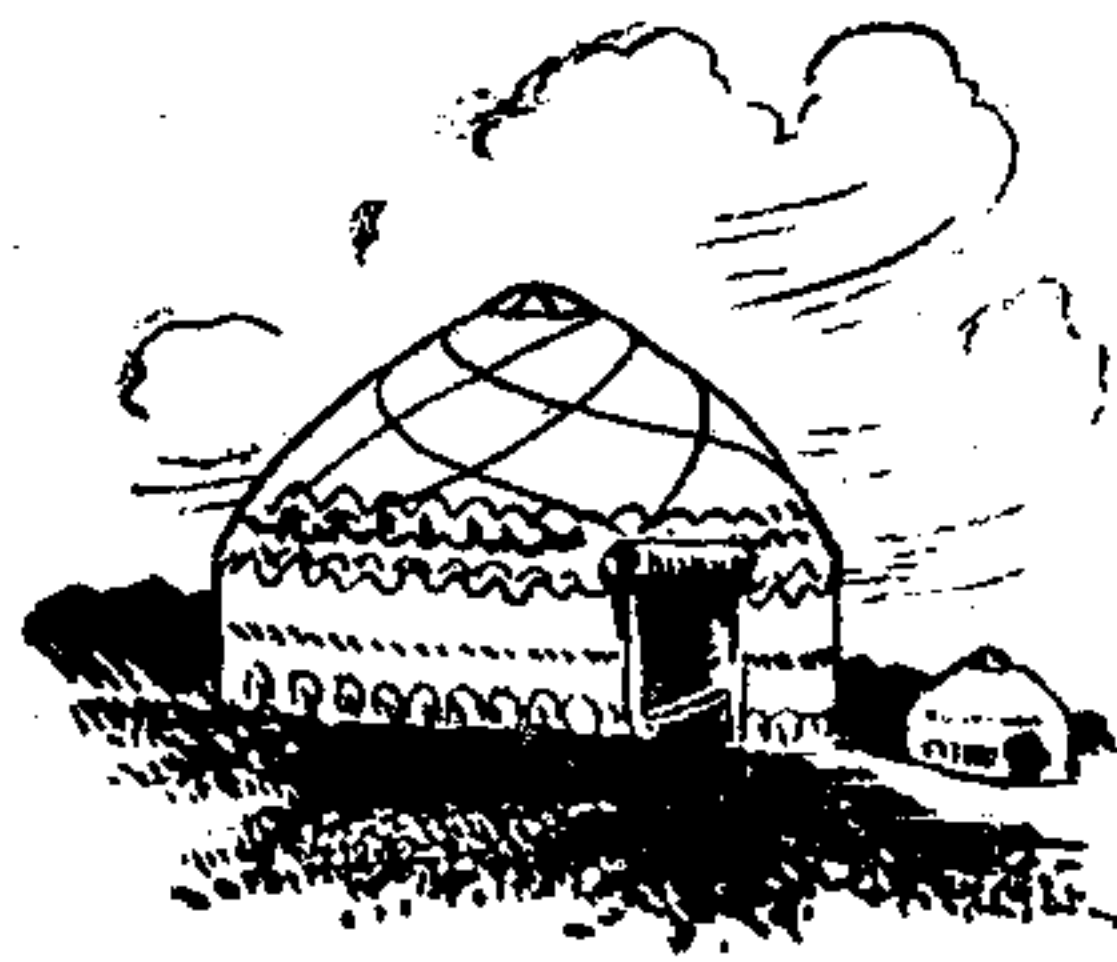
Слез жених с коня гнедого.
Для него была готова
Юрта белая, как снег.
Эту юрту Солтобаю
Бай поставил у своей,
Как отцы обычно ставят
Юрту с юртой сыновей.

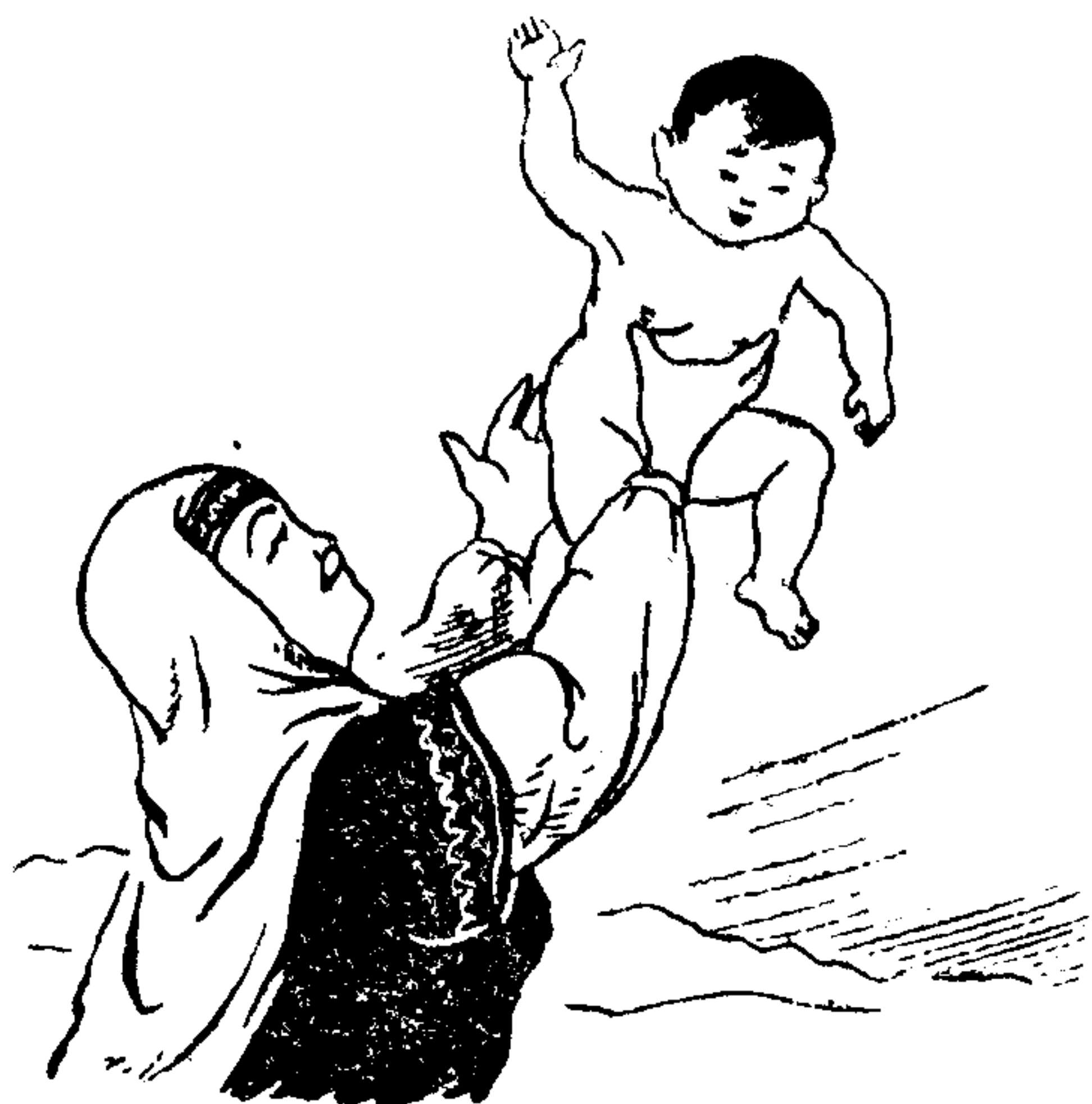
Ну, а люди Тор-Айгыра
Были рады за батыра.
Говорили меж собой:
«Хорошо для Солтобая,
Будет он женат теперь.
Хорошо, что Кулджигачу
Будет сыном он теперь».

* * *

С той поры, в аиле свата,
Солтобай живёт богато.

Объезжает лошадей,
Часто ездит на охоту,
И в жене души не чает.
И на эту пару глядя,
Рады все за молодых.
Солтобай в чужом аиле,
Так живёт, как у родных.

Глава 2

Время шло. Промчался год,
С той поры, как Солтобай
Перешёл в чужой народ
Хорошо у Кулджигача, —
Играм, скачкам нет конца.
Солтобай живёт у тестя
Так, как будто у отца.

Два ещё промчалось года.
Бегимджан — жена батыра
Приготавливалась к родам.
И сказал её отец:
«Коль она родит нам сына,
Воспитаю сам я сына».

Разнеслась в аиле весть,
Что по утрам Бегимджан
Родила батыру сына.
И счастливый Солтобай
Дал, в согласье с Кулджигачем,
Сыну имя — Олджобай.

Ну а тѣща Солтобая, —
Мать родившей Бегимджан —
Вскоре дочку родила,
И назвали аксакалы
Эту дочку — Кишимджан.

И росли, играя, дети —
Олджобай и Кишимджан.
И не знали ни о ссоре,
Ни о зле, и ни о горе,
Вырос юноша батыром,
И в красавицу с годами
Превратилась Кишимджан.

* * *

Вот однажды от болезни
Вдруг скончался Солтобай.
Бегимджан скорбит по мужу,
А наследник — Олджобай,
Смелым юношей растёт,
Почитает свой народ.

И подруга Олджобая,
Что была батыру тёткой,
Стала редкою красоткой,
Да такую, что чужие
Поглядеть на пери эту
Приезжали в Чилмайран.
Кульджигач в любимом внуке,
Говорят, души не чаял.
Подарил он внуку лошадь
Серой масти — Гульбадам.
Олджобай на кобылице
По горам летал, как птица,
И к восторгу Кульджигача
С нею брал призы на скачках
Сильный, ловкий Олджобай.

И о том, что он влюбился
В Кишимджан, в родную тётку,
Знал и видел весь аил.

А племянник Кулджигача —
Сын Кочкора — Кудаке,
Ненавидя Солтобая,
Молодого Олджобая
С дня рожденья не влюбил.

Был он рад, когда однажды
Кишимджан приехал сватать
Из Багыша — Байназар.
Был он рад, когда приезжий
День и ночь твердил о ней.
Кудаке хотел, чтоб замуж
Вышла девушка скорей.

Сердцем чуял Олджобай
Этот замысел врага.
Кишимджан была ему
Больше жизни дорога.

Ну, а если кто влюблён,
У кого бушует кровь,
То понравится ли это,
Чтобы кто-нибудь другой
Вдруг отнял его любовь?!

И в угоду Байназару
Кудаке всем говорил:
Что отец, мол, Олджобая
Как бродяга, как бездомный,
Навязался в их аил.
«Сам отдам сестру я замуж,
Сам над девушкой я властен», —
Кудаке так говорил.
«Если будет возражать,
Если замуж не пойдёт,
Худо будет Олджобаю», —
Кудаке так говорил.

Как цветок, как ветка ивы,
Кишимджан была стройна.
Байназар из Уч-Багыша
Вдруг узнал, что пери тайно

В Олджобая влюблена.
От внезапной этой вести
Грусть вошла батыру в сердце,
Как холодная волна.

* * *

Вот однажды Олджобай
Гульбадам свою седлает,
На продажу гонит скот.
В это время Кишимджан
Тайно вышла на дорогу,
Поглядела грустным взглядом,
И сказала: «Олджобай,
Милый друг, сестрой рождённый,
Мой единственный, любимый,
Ты отважен и силен.
Ты верхом искусно едешь,
Ты красив, батыр, собою,
Только видно не умён.

Гульбадам ты только занят,
Ты, забыв своё жильё,
Месяцами где-то едешь,
Но когда ж любовь вселится
В сердце глупое твоё?!
С малых лет росли мы вместе,
С малых лет друзьями были.
Ты ж верхом на Гульбадам
Где-то скачешь по горам.

Ты куда собрался в путь,
Дорогой племянник мой?
Как луна лицом ты светел,
Ты стройнее всех на свете,
Если б взял меня женою,
Жили б счастливо с тобою
Мы теперь уже не дети.
Мой состарился отец...
Солнце без тебя не светит,
Непокорный мой птенец.

Сын Кочкора — Кудаке
Байназару слово дал,

Что со временем я стану
Гостя этого женой.
Чем же занята твоя,
Ты скажи мне, голова,
Как ты можешь быть спокойным
Эти слушая слова?»

Олджобай сказал на это:
«Кулджигача дочь, Кишим,
У тебя глаза, как звёзды,
Речь твоя, как мёд, Кишим,
Лоб высокий, бровь густая,
Ты — красавица, Кишим!
Поступлю, как ты захочешь,
Не грусти, моя Кишим!
Я ведь тоже одинокий,
Ненаглядная, Кишим.
Как весной трава без солнца
Одинокий я, Кишим...

У тебя лицо, как снег —
Чистый снег горы высокой,
Полукруглый месяц—бровь.
Твой румянец, дочь востока,
Как у белой птицы кровь.

Я сегодня на базар
Погоню баранов стадо,
Как продам я свой товар,
Привезу тебе в подарок
Драгоценное кольцо.
Не гуляй одна в аиле,
Не показывай народу,
Кишимджан, своё лицо.

Красивей, видней красotka,
Коль на шее жемчуга,
А джигит, когда влюблённый,
Своего сильнее врага.
Мы с тобой уже не дети,
Друг для друга мы, Кишим!
Если будет Кудаке,
Нам с тобой вредить, Кишим,
Я раскрою козни эти,

И пока я жив на свете,
Не отдам тебя, Кишим!»

И пустился в путь он дальний.
Кишимджан, кивнув печально,
Говорит ему: «Прощай».
И стоит и долго смотрит,
Как по солнечной дороге
Гонит стадо Олджобай.

* * *

На базар приехал он,
Продав скот удачно он.
Много сластей накупил он,
Для своей купил любимой
Драгоценное кольцо.

«Если только будем живы,
Быть Кишим моей женой».
Рассуждал он сам с собой.
И когда исчезло солнце
За высокою горой,
Возвратился он домой.

Весь аил уже уснул
В час, когда вернулся он.
Захватил свои подарки,
Поспешил к любимой он.
Об опасности не думал,
До того он был влюблён.

И когда они украдкой
В тёмной юрте обнимались,
Прошептала Кишимджан:
«Олджобай, любимый друг,
Ты привёз мне не урюк,
А как будто бы огонь.
Щёки от него горят.
Может продали тебе
Не урюк, а сладкий яд?»

Олджобай и Кишимджан
Провели вдвоём всю ночь.
И никто не знал в аиле,

Что невинности лишилась
Этой ночью бая дочь.

«Дорогой мой Олджобай, —
Говорила Кишимджан,
У тебя ведь нету братьев,
Берегись, один не езд
От аила вдалеке».

.....
Вот о близости влюблённых
Вдруг пронюхал Кудаке.

«Был отец у Олджобая
Непутёвый, — говорит, —
Кулджигач, его бродягу
Сделал зятем, — говорит, —
Олджобай — его отродье,
Нас позорит!» — говорит.

И на празднестве однажды
Опозорил Олджобая
Разъярённый Кудаке.
Не жалея бранных слов,
Злобно крикнул Кудаке:
«Уходи, кыпчак, от нас!
Ты — бродяга, ты приبلудный»,
Громко крикнул Кудаке.

Оскорблённый Олджобай,
Шёл обратно сам не свой.
Мать батыра — Бегимджан
Горевала вместе с ним.
Наконец она решила
Говорить с отцом своим.

«Олджобай в большой печали,
Жестоко его унизил,
Жестоко его обидел
Сын Кочкора — Кудаке.
Жаль мне мальчика-батыра,
Не препятствуй больше мне.
Отвезу его к народу,
Покажу родной земле».

Горько стало Кулджигачу:
«Постарел я, спору нет,
Нет былого мне почёта...
Кудаке—смутьян, предатель,
Злей врага на свете нет!
С ним бороться силы нет!
Не считаются со мной,
Трудно здесь тебе одной!
Сохрани живым сыночка!
От предательств Кудаке.
Он недоброе задумал
Против мальчика-батыра,
Увези сына к народу,
К дальним землям Тор-Айгыра.
Кудаке — предатель злой,
Кто ж наследник будет мой?
Только внучек Олджобай
Добрый, нежным был со мной!
Рано стала ты вдовой!
Если сына не спасёшь,
Жить тебе тогда одной!
Я — отец тебе родной,
Но тебе от старика
Пользы нету никакой!
Нету помощи нигде...»

Говорил он, и ручьями
Лились горестные слёзы
У него по бороде.
«Если бы я был силён,
Никуда б вас не пустил.
А беспомощного старца
Не боится весь аил.
Кудаке своею силой
Всех в аиле покорил.
Он меня моей надежды,—
Внучка милого лишил!»

Сокрушался Кулджигач,
«Что мне делать»,— говорил,—
«Чем помочь вам?»— говорил.

Бегимджан вернулась к сыну.
Олджобай, забыв о сне,
Брови сдвинувши угрюмо
До рассвета думу думал,
И сказал: «Придётся нам
Из-за козней Кудаке,
Из-за подлости его
Отправляться к кыпчакам».

Вот прошло четыре дня.
Бегимджан, созвав народ,
Угощает всех пришедших,
Говорит: «Прощай, родня!»
Горевали все в аиле.
«Добрый путь» им говорили,
И несчастный Кулджигач
Произнёс: «Сыночек милый,
Для меня покоя нету,
Тяжелее горя нету,
Что тебе в моём аиле,
Мой ребёнок, места нету...

У меня пылает сердце,
Словно уголь раскалённый,
Если что с тобой случится,
Жеребёночек холёный,
У меня от горя сразу
Помутится старый разум.
Мог ли думать я, что вскоре
К нам придёт такое горе!»—
Сокрушался Кулджигач.

И промолвил Олджобай:
«Мой отец меня при жизни
Брал с собою каждый год
В тот далёкий Тор-Айгыр,
Где живёт его народ.
Не казни печалью сердце,
Не тревожься за меня!
Дай своё благословенье,
Может будет мне неплохо,
Где живёт моя родня.
А тебя я не забуду,

Если жив на свете буду,
Каждый месяц жди меня!
Хоть и буду вдалеке,
Отомщу я Кудаке!»

Мать прекрасной Кишимджан
К Олджобаю подошла:
«Светик, дочерью рождённый,
Жеребёнок дорогой,
Не легко, мой ненаглядный,
Расставаться нам с тобой!
Как нам жить одним на свете?
После нашей близкой смерти
Не останется сынка...

Отдала давно я замуж
Старших взрослых дочерей,
Кто хозяином здесь будет,
Утешителем кто будет
Плачущей души моей?
Я пришла к тебе, мой внучек,
Рассказать свою тоску.
Четырёх имея дочек,
Сиротою я живу.
Для меня и соловей
На чинаре не поёт,
Нету в доме сыновей...
Разрывается на части
Сердце бедное моё...
Где б ты ни был, Олджобай,
Стариков не забывай!»

К

Глава 3

улджигач совсем согнулся.
Всюду правил Кудаке,
На собраниях аила

Говорил лишь Кудаке.
И дела всего народа
Вёл упрямый Кудаке.
Словно яблоня весной,
Цвёл довольный Кудаке.
«Я — властитель,
Я — хозяин», —
Похвалялся Кудаке.
Всех запугивал угрозой
Своенравный Кудаке,
И прогнал он Олджобая
Ненавистный Кудаке,
Кишимджан отдать поклялся
Байназару Кудаке.

Между девушек аила
Всех была она красивей:
Словно козочка легка.
Шли к лицу ей жемчуга

И богатое шитьё.
Если девушка красива,
Будет спор из-за неё!

И узнав, что Олджобай
Отбывает в дальний край,
Затужила Кишимджан.
Сердце птицею забилося.
«Чем, скажи, мой Олджобай,
Пред тобой я провинилась?
Мы росли с тобою вместе,
С детства я в тебя влюбилась!»—
Причитала Кишимджан.
Над аилом ночь сгустилась,
И позвав тайком подругу,
Кишимджан своей бедою
С молодухой поделилась.
И промолвила с мольбой:
«Побеги быстрее в юрту,
Где живёт племянник мой!

Как домой к нему придёшь,
Расспроси, куда он едет,
Правда это, или ложь?
Если правда уезжает,
Всё я выскажу ему!
Если правда уезжает,
Я печаль свою открою.
Поспеш скорей к нему!
Всё узнай и всё проверь!»

И пошла её подруга,
И батыра Олджобая
Поманила через дверь.

В одеянии дорожном
Шёл он тихо, осторожно,
Сквозь ночную синеву.
Протянул к любимой руки,
И когда они обнялись,
Будто бы соединили
С белым сахаром халву.

Над горами плыл туман.
Вместе выросшие дети
Шли, обнявшись, по поляне.
И сказала Кишимджан:
«Не держи на сердце тайны,
Мне от горя свет не мил!
Я слыхала от народа,
Я узнала от народа,
Что бросаешь наш аил.
В сердце ты моё вложил
Все мучения любви.
Ты с базара привозил
Вкусный сахарный урюк.
Он спалил меня, как пламя,
Он вселил в меня недуг.
Если девушка полюбит,
Что мучительнее, друг?!

Кишимджан, твоя подруга,
Больше знает о любви,—
Это — страшная болезнь,
Зной, сжигающий в крови.

В срок приходит к нам любовь;
Если молодость промчится,
То любовь не возвратится...
Как ты бросишь свой аил?
Ведь своё гнездо родное
Не бросает даже птица!
Хоть помог бы нам господь
Навсегда соединиться!
Как узнала от людей,
Что бросаешь наш аил,
Ослабела я совсем,
От тоски лишилась сил.
При ходьбе не держат ноги.
Уж таков огонь любви...
Говорят, что он извечно
Горе людям предвещал,
Говорят, что не однажды
Жизни в уголь обращал.

С детства я птенца растила,
Сладко мне поёт весной,
Светло-серенький, ручной,
Умный жаворонок мой.
Ну, а если ты уедешь,
Мой тогда угаснет взгляд.
Не услышу птицы пенье,
Превращусь я в чёрный уголь,
Как в сказаньях говорят.

Олджобай, сестрой рождённый,
Вместе мы росли с тобой,
Был избранником ты с детства,
Почему жених другой
Скот навьюченный к нам гонит
И готовит пышный той?
Видя хищника, кругами
Серый жаворонок вьётся,
Так беда висит над нами,
Почему ж её влюблённым
Избежать не удаётся?
Враг жестокий надо мной
Чёрным вороном кружится.
Как могу я согласиться
Байназара стать женой?

Байназар в любое время
Может сделать пышный той.
Позовёт народ на свадьбу,
Разлучит навек с тобой.
Кудак в любое время
Совершит поступок злой.
Ты ж уедешь, Олджобай,
К кыпчакам, в далёкий край,
Светик мой, любимый мой.

Погляди, мой друг желанный,
Разве я не хороша?
Уж любовь такое дело —
От неё горит душа!
Если б я тебя не знала,
Без тебя б жила спокойно —

Не колышатся без ветра
Ночью листья камыша.
Если ты от нас уедешь,
Мне тоска вонзится в сердце,
Словно лезвие ножа.
Реки славятся водою,
Лес — тенистою листвою,
Небо — яркой синевою,
Звонкой песней — соловей.
Сердце славится — любовью,
Кто же ею опалённый
Не томился из людей?

Речь влюблённая моя,
Словно песня соловья!
У меня глаза, как звезды,
Их лучистей в мире нет!
Для чего ж губить нам юность,
Олджобай, ведь мы вторично
Не появимся на свет!»

Очень много Кишимджан
Говорила о любви.
Олджобай сказал на это:
«Не печалься, Кишимджан!
У тебя, ты говорила,
Вестник-жаворонок вырос,
Он поможет нам с тобой!
Оскорбил меня предатель,
Ненавистный Кудаке.
Если буду жив на свете,
Отомщу я Кудаке!
Если ждать меня готова,
Буду действовать, как надо:
Во главе народа стану,
Знатным стану, сильным стану
И приеду за тобой.
Коль возьму тебя, то буду
Век доволен я собой!

Я на земли Чилмайрана,
Где по мне тоскуешь ты,
Приезжать так часто стану,

Что дождями не успеют
Смыться конские следы!
Если что с тобой случится,
Пусть твоя ручная птица
Прилетает в Тор-Айгыр.
Этот жаворонок-вестник
Пусть условным знаком будет:
Мол, спеши ко мне, батыр!

После смерти Солтобая,
Стал я горьким сиротой...
Это на руку врагу!
Я теперь у вас в аиле
Жить спокойно не могу.
Не могу бродить, как прежде,
Меж деревьев, над рекою,
Надо мною стало сразу
Чёрным небо голубое.
Разве мог я ожидать
Что расстанемся с тобою?

Понесётся конь галопом,
Если дать ему зерна,
Сотни раз к тебе приеду,
Если буду знать, что ты
Мне по-прежнему верна.
Я, сестрой твоей рождённый,
Позабыть тебя не в силах.
Смерть приходит невзначай,
И меня возьмёт могила,
Если ж мне живым остаться
Предназначено судьбой,
Я приеду за тобой!»

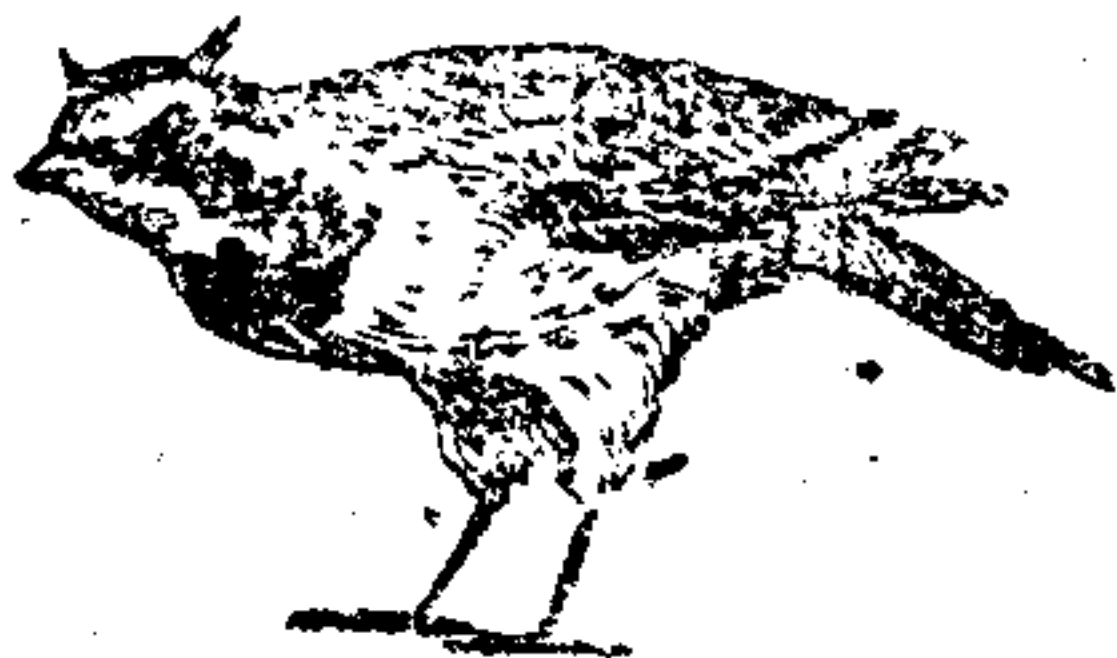
.
Подошёл прощанья час.
У прекрасной Кишимджан
Слёзы хлынули из глаз.
Уж разлука такова...

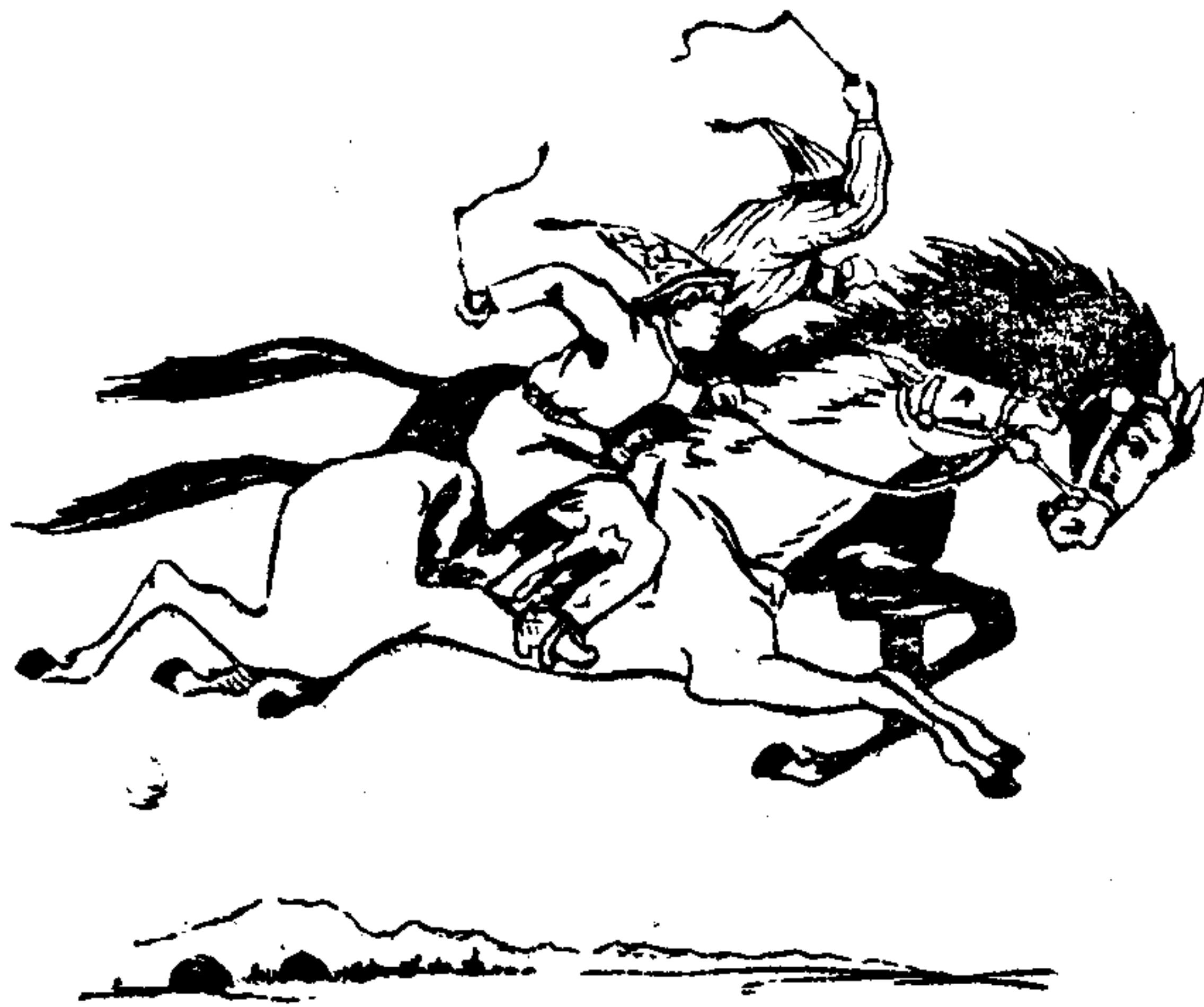
Олджобай, хоть был батыром,
Он заплакал, как дитя,
Еле вымолвил слова:
«Кишимджан моя, прощай!»

Тут пришла её подруга
И обнявшихся влюблённых
Оторвала друг от друга.
И, вздохнув, сказала им:
«Расставаться вам пора,
Не сидеть же до утра!
Долго были вы вдвоём,
Вместе выплакали горе,
Уж таков закон любви
Обжигать сердца огнём...
С детства вместе вы росли,
Приезжай, джигит, за нею,
Вдалеке не забывай
О решении своём!

Если умный держит речи,
В каждом слове смысла много.
Если смерть глаза закроет,
Значит — кончена дорога!
Если слёзы льёт джигит,
Значит в сердце у любимой
Горше, тягостней тревога.
Стоя рядом, я слыхала
Ваши горестные речи,
Умереть душа готова.
Оттого, что я бессильна,
Что помочь вам в горе нечем...» —
Так сказала им подруга.

И никто не знал в аиле,
Что друг другу говорили
Олджобай и Кишимджан.
Как она, кляня разлуку,
Протянула другу руку,
И промолвила: «Прощай!...»
Как ушёл, убитый горем,
От любимой Олджобай.

Глава 4

В есть дошла до Тор-Айгыра,
Что сюда, в кыпчакский край
Прикочует Олджобай.
Как течение реки,
Зашумели кыпчаки.
Рад был новости народ,
Аксакалы были рады,
Молодухи были рады,
Дети тоже были рады..
Все в аиле были рады.

Приготовливали юрту,
И для праздничного тоя
На убой сгоняли скот.
А красотки мыли косы,
И расчёсывали их.
Говорили меж собою,
Мол, прибудет к нам жених.

Много бравых верховых
Встретить гостя поскакали.
По пути коней своих

Чуть до смерти не загнали;
Через ветер, сквозь туман
Прискакали в Чилмайран.

Вот взвалили на верблюдов
Драгоценную посуду,
Разноцветные ковры,
Шёлкотканые шатры.
Провожая Олджобая,
Расхворался старый бай.
А в айле говорили,
Рассуждали меж собой:
«Хоть и рос здесь Олджобай,
Он, по сути, нам чужой.
Был отец его — кыпчак,
Никогда не стать собакой
Сыну волка меж собак!»
Вот проститься с Олджобаем
Из отцовской юрты белой
Тихо вышла Кишимджан;
Чуть жива, белее мела,
Слёзы льются на подол.
Никогда так не горело
Сердце девушки от горя,
Ни один из дней на свете
Для неё, бедняжки, не был
Так печален, так тяжёл.

Кулджигач промолвил плача:
«Сын от сына, внучек мой,
Жеребёночек родной,
Всех на свете я несчастней,
Всех я горестней на свете,
Почему, за что я должен
Разлучаться вдруг с тобой?»
Слово, сказанное в горе,
До любых дойдёт сердец.
Горевал народ с ним вместе,
Говорили: «Деда жалко,
Он батыру Олджобаю
Был роднее, чем отец!»

Кудаке глядел злорадно,
Как прощался Олджобай.
«Пусть уходит,— говорил. —
Среди нас ему не место,
Он — приبلудный! — говорил. —
Ходит он в поганой шубе,
Он никчёмный, — говорил. —
Зря тягаться с нами вздумал,
Он зазнайка! — говорил. —
Он не вёл себя, как надо,
Пусть уходит!» — говорил.

* * *

Вот оплаканный родными
Олджобай откочевал.
Всё дорогу безутешно
О любимой горевал.

Чтобы встретить Олджобая,
Верховые на конях
По дороге мчат вперёд.
Аксакалы режут скот,
Все готовят пышный той.
Юрту белую готовят,
Словно сына ждут домой!

На дороге тучи пыли,
Скакуны от бега в мыле.
Ближе, ближе стук подков.
Весь аил спешит навстречу.

На породистой кобыле,
Рослый и широкоплечий,
Олджобай могучим видом
Поразил всех кыпчаков.

Все приезжих обступили,
Все приезжим говорили
Много трогательных слов.
Все тянулись к Олджобаю,

Все протягивали руки,
Говорили: «Он, сиротка,
Вечно с нами жил в разлуке!»

И никто к его приезду
Не остался равнодушен.
И, казалось, за улыбку
Дорогого Олджобая
Все отдать готовы душу.

Все пришли до одного.
Каждый с гостем говорил,
Сняли с лошади его,
Повели в родной аил.
Помогали Бегимджан
Заносить тюки в жильё.
Каждый ласково спросил:
«Как здоровье твоё?»
Стлали пёстрые ковры,
Приготовили котлы,
Жирное варили мясо,
И трещал огонь высокий,
Словно в поле жгли костры.

У людей во всём аиле
Громко чайники бурлили,
В них бросали чёрный чай,
Все надеялись, что в гости
К ним заглянет Олджобай.

И подряд, наперебой
Сына с матерью в аиле
Приглашали все на той.
И старались, чтоб они
Не соскучились одни.

Таково гостеприимство,
Уж таков закон родни!

* * *

Время в праздничном веселье
С быстротой воды течёт.
Рад приедем Тор-Айгыр,

Каждый день—богатый пир.
И, обжившись в том краю,
За весельем Олджобай
Позабыл любовь свою!
Вот старейшие в аиле
Меж собою порешили
Подыскать ему жену.
Приглашают в гости сватов,
Мол, дадим калым богатый,
В пору быть ему женатым,
Мол, батыру Олджобаю
Жить тоскливо одному.

Все заботились о нём,
Как о собственном сынке;
Меж красавиц Тор-Айгыра
Жениху нашли невесту —
Молодую Чачыке.

Все собрались на смотрины.
Оглядев невесту сына,
Размечталась Бегимджан:
«Будет жить невестка с нами,
Станет в доме веселей!
Станет дочерью моей.
Молодухе я велю,
Чтоб сходила за дровами,
Выносила бы золу,
Мыла чтоб ковры в реке,
Чтоб трудилась за меня,
Почитала бы меня,
Чтобы матерью меня
Называла Чачыке».

И женился Олджобай
На красотке молодой,
И была она ему
Нежной, преданной женой.
И доволен был народ,
Что в семье у Олджобая
Жизнь счастливо потекла,

Время шло. И через год
Чачыке, жена батыра,
Родила ему сына.
И от радости такой,
Олджобай был сам не свой.
Он созвал к себе народ
И большой устроил той.
И из памяти его
Образ милой Кишимджан,
Словно облачко, уплыл.
Иногда он только думал:
«Я о чём-то позабыл!»

* * *

Для большого нужен стада
Глаз хозяйский и присмотр.
И любому из народов
Вожака — героя надо,
Чтобы правил он народом,
Чтобы чтит его народ.

Олджобай из Чилмайрана
Был народом выбран ханом.
Чем в аиле он не вождь?
Меж народа Тор-Айгыра
Нет отважнее батыра,
В богатырском теле — мощь!
Он врага сразит на месте,
Не уронит доброй чести,
Сын — достойного отца,
По крови — того же рода,
Он товарищ, друг народа,
И дела всегда удачны
У батыра-храбреца.

Славный родич Кулджигача,
Многих знатней и богаче,
Стариков иных мудрей.
Как он прибыл в Тор-Айгыр,
Всем понравился батыр
Справедливостью своей.

За сыночка дорогого
Очень рада Бегимджан.
Лестно ей, что Олджобая
Величают люди: «Хан»,
Что жена его красивей
Всех в аиле молодых.
Что в народе ходит слух
О его уме и силе.
Что живёт он в белой юрте,
Ходит в шубе дорогой.
Что почёт им от народа,
Ей по сердцу, что в аиле
Что ни день, то шумный той.

Для её души — услада
Видеть радостным сына.
... Рядом — пастбищей прохлада,
Быстротечная река.
Табуны по ветру скачут,
По предгорьям бродит скот.
В пиалах — душистый мёд,
Пух летает тополиный,
В рощах — щебет соловьиный,
Под густой чинарой — тень.
И батыры, соревнуясь,
Здесь устраивают скачки,
Смех и пляски — каждый день.

Весь аил привёл в порядок
Умный, властный Олджобай.
Все батыра уважают,
И ни в чём не возражают,
Всем по сердцу юный хан.
Говорят: «Он нам на счастье
Бросил дальний Чилмайран».

Олджобай с народом дружит,
Ни о чём душой не тужит,
И совсем не вспоминает
О далёкой Кишимджан.
Днём и ночью он с народом,
Разъезжает по полям,

По горам и по степям,
На любимой Гульбадам.
И ничто его не тянет
В Чилмайран — к родным краям.

Ну, а люди Тор-Айгыра
Наблюдая эр-батыра,
Беспокоились, что вдруг
Вспомнит он родной аил,
Беспокоились, что станет
Тор-Айгыр ему не мил.

Олджобая берегли,
Развлекали, как могли,
Изо всех старались сил.
И со всем народом вместе
Был он счастлив, был он весел,
Только изредка, бывало,
Скажет: «Что-то я забыл...»

* * *

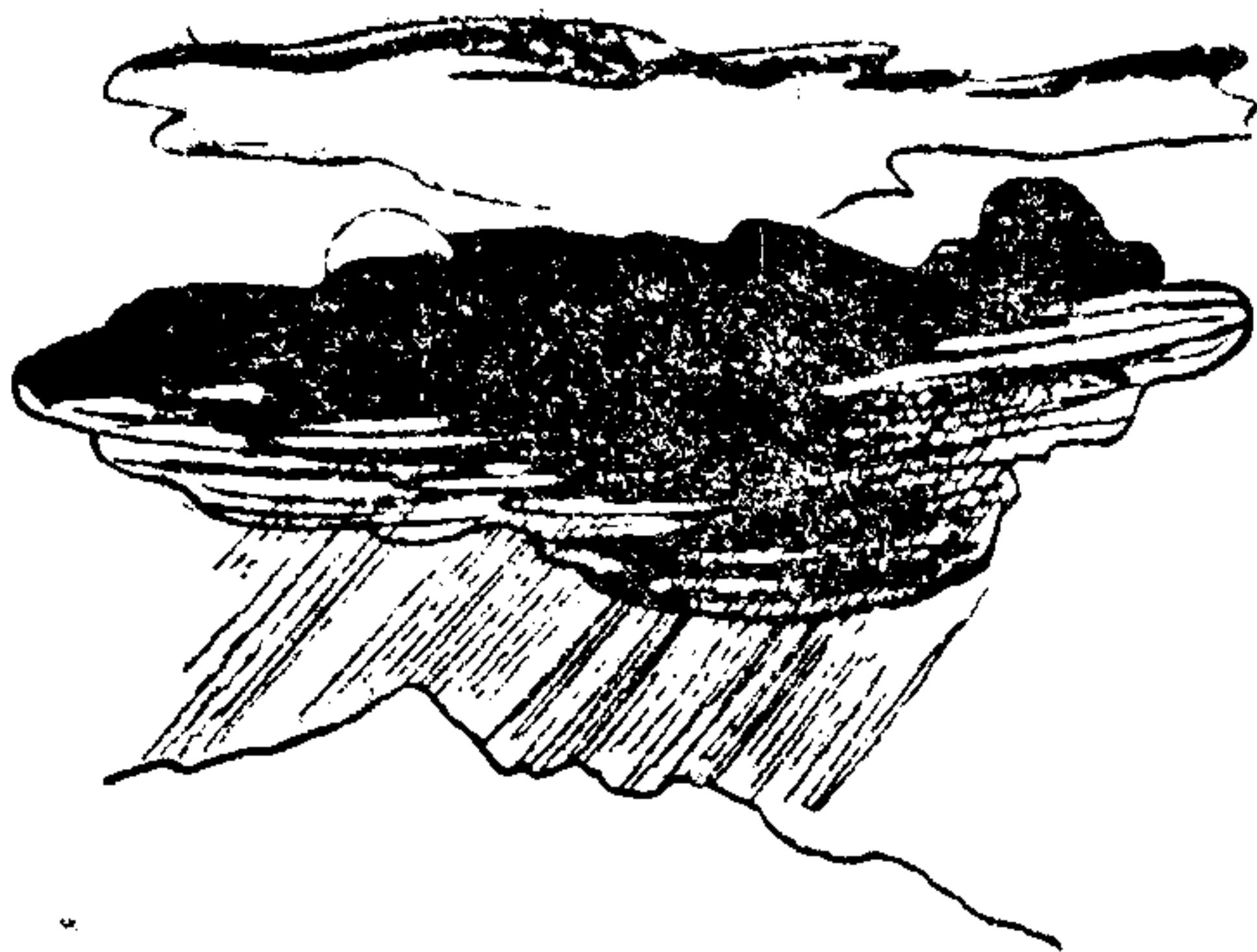
Если талая вода
В синь озёрную вольётся,
Разве в озере не станут
Волны резвые играть?
Если снова ветви сада
Вдруг распустятся весною,
Разве в том саду не станут
Птицы певчие летать?
Если счастье, улетаю,
Неожиданно вернётся,
Разве путь для человека
Не откроется опять?

Если что-то дорогое
Вдруг из памяти уплыло,
Разве станешь ты о прошлом,
О забытом вспоминать?
Олджобай не вспоминает
О своей былой любви.
Меж кыпчакского народа

Всё забыл он в Тор-Айгыре.
Кишимджан грустит одна,
Для неё в тоске два года,
Так проходят, как четыре,
Боль в груди её горит.
Ноет сердце, как от ран,
У прекрасной Кишимджан.

Олджобай её живет,
Веселится, ест и пьёт,
И не едет в Чилмайран.
А теперь рассказ пойдёт
О забытой Кишимджан.

Глава 5

Кишимджан грустит о друге,
О племяннике своём.
Свет красавице не мил.
А в народе, между тем,
Говорят, что Байназар
Приезжает в их аил.

У прекрасной Кишимджан
Лик, что был, как солнце светел,
От страданья потемнел.
Стала пери молодая,
Словно нищенка худая,
Взгляд красавицы померкнул,
Звонкий голос ослабел.

Если с неба льётся дождь,
На вершинах тает снег,
Коль напрасно друга ждешь,
Ты печальный человек!
Так душа твоя горит,
Словно в рану сыплют соль,
То, что жив, — не говори,
Хуже смерти эта боль!

Если в синь взовьётся сокол,
Зашумит крылом упругим,
В камыше тогда высоком
Утка прячется в испуге.
Человек, слабея, тает
От тяжелого недуга,
Как на углях друг сгорает,
Если он теряет друга.

Если конь накормлен дважды,
Он копытом землю бьёт;
Утолит козлёнок жажду
Если снегу пожуёт.
Если отдано любви
Сердце бедное навек,
То в разлуке, от тоски,
Погибает человек.
Разве вновь не оживёт
Сердце бедной Кишимджан,
Если друг её придет,
Хоть на сутки, в Чилмайран?

Сокрушалась Кишимджан:
«Мой племянник Олджобай
Обещал, что ты придешь,
Обещал прислать мне весть,
Если только не умрёшь.
Я была тебя достойной,
Я была, как лебедь стройной,
Ты—отрадою мне был.
Может, мой далёкий сокол,
За чужой горой высокой,
О любимой позабыл?

Я сияла, как луна.
С той поры, как ты уехал
Отцвела моя весна.
Неужели между нами
На пути стоит стена?
Кулджигач лишился сил,
В целом мире я одна...
Хоть бы вытекли глаза

У шайтана Кудаке,
Это всё—его вина!
Олджобай, любимый мой,
День настанет ли такой,
Чтоб вокруг шеи дорогого
Снова руки обвились?!
Сяду ль я с тобою рядом,
Погляжу ль счастливым взглядом,
Чтоб ко мне вернулась жизнь?
Цвет лица твоей любимой
Блекнет с горя, мой батыр.
Неужели не вернёшься,
Не оставишь Тор-Айгыр?

Если кто припомнит вдруг
Теплоту любимых рук,
Разве сердце не занает,
Не заплачет ли оно?
Оттого, что ты не едешь,
Оттого, что не приходишь,
У меня в глазах темно.

Я, как жимолость увяла,
Как трава сухая стала,
Раньше срока отцвела,
Потому что я узнала,
Как разлука тяжела.
Если мне бы друг на сердце
Положил свою ладонь,
То её бы в черный уголь
Превратил любви огонь.
Почему сюда не мчится,
Почему сюда не скачет
Гульбадам—твой верный конь?!
Как найти к тебе пути,
Как в аил к тебе дойти?

Лучше б стала я слепой,
Лучше б стала я глухой,
Если мне тебя не видеть,
Если мне тебя не слышать,
Олджобай мой дорогой!

Почему не шлет он вести,
Почему не узнаёт,
Как горюет Кишимджан,
Как страдает Кишимджан,
Как без милого живёт...»

* * *

Вот, накинув покрывало,
Кишимджан пошла с подругой
По поляне, к ручейку,
Разогнать свою тоску:
Поглядеть в степях на травы,
На круженье птичьих стай.
Только где бы ни ходила,
С кем она б ни говорила,
Вечно — в мыслях Олджобай.

Говорит она подруге:
«Я живу в большой печали,
День и ночь об Олджобае.
Неустанно слёзы лью.
Олджобай, сестрой рожденный,
Мой родной, мой нареченный,
Позабыл любовь свою...»

Мы гуляли вместе ночью,
Взявшись за руки, как дети,
Мы шептались тихой ночью,
Целовались тёмной ночью.
Были мы с моим любимым
Всех счастливее на свете.
Как уехал он отсюда,
В небесах потухли звёзды,
Надо мною небо стало,
Как пустая пиала...
Почему в его объятьях
Я тогда не умерла?!

Где ж искать его, подруга,
Кто в беде поможет нам?
Может, кто-нибудь поедет

Из аила к кыпчакам?
Может, кто-нибудь оттуда,
Пусть хотя бы через год,
Весть о милом привезет.

Может, ворона послать,
Может, сокола послать,
Чтоб летела птица к другу
Весть от милой передать!
Неужели он забыл
О далёкой Кишимджан?!
На постели я без сна
По ночам лежу одна.
Опротивел мне без друга
Наш родимый Чилмайран.
Разлучил меня с любимым,
Ни за что меня обидел
Сын Кочкора, злой шайтан!
Я бы птицей белокрылой
Полетела из аила
С тучкой белою вдвоём,
Я бы друга разыскала,
Я бы другу рассказала
О страдании моём.

Я бы облачком воздушным
Поплыла бы над землёй,
Я повисла бы над юртой,
Где живёт любимый мой.

Может, встав с моей постели,
Олджобай ко мне остыл?
Неужели не приедет,
Не вернется в наш аил?»

Опираясь на подругу,
Кишимджан, почти без сил,
Безутешно горевала,
Беспрестанно повторяла:
«Видно он меня забыл...»

И пока они сидели
На траве, у ручейка,

Над проезжею дорогой
Взвились пыли облака.
Эта—главная дорога,
Как огромная река.
Нет в Киргизии дороги
Людней, шире и длинней,
Нет такого человека,
Чтоб не ездил бы по ней.

Вот возник из чёрной пыли
Незнакомец на коне.
Скачет рысью конь гнедой.
По бокам его курджуны,
Нагружённые едой.
Видно едет в путь далекий
Этот аксакал седой.
Видно он собрался рано,
Чтоб не ехать в самый зной.
Шестьдесят своих баранов
Гонит он перед собой.

Увидав его, подругу
Попросила Кишимджан:
«Позови его скорее,
Расспроси куда он едет,—
Умоляла Кишимджан.—
Может, этот аксакал
На продажу гонит скот,
Может, едет он в аил,
Где племянник мой живёт.
Может, много видел он
И аилов и племён,
Может, едет к кыпчакам,
И возьмётся передать
Олджобаю мой поклон?»

И ответила подруга:
«Говорили люди мне,
Что за тридевять земель
Кыпчаков богатый край,
Где живёт твой Олджобай.
Не известно, кто такой

Этот всадник на коне.
Так на свете не бывало,
Чтоб какой-то продавец
Был посредником сердец».

Но сказала Кишимджан:
«Я прошу тебя, пойдя,
Незнакомца приведи!
Может, всюду разъезжая,
Он слышал про Олджобая.
На дороге одному
Скучно, может быть, ему.
Он расскажет где он был,
Где родной его аил».

И послушалась подруга,
И пошла её подруга,
Незнакомца позвала.
Увидал её проезжий,
Приосанился проезжий,
Повернул коня обратно,
Натянувши удила.
А подруга незаметно
Подтолкнула Кишимджан,
И хитро сверкнула взглядом,
Мол, скажи ему, что надо,
Дальше — дело не моё!
Расспроси—куда он едет,
Расспроси—откуда едет,
Из каких он сам краёв?
Из какого он народа,
Где родился, что и как?
Может, даже он кыпчак!
Он сказал мне, что его
Называют Акмамат.

И к нему, потупив взгляд,
Обратилась Кишимджан:
«На коне сидящий путник,
Не спеша проехать мимо,
Не теряй, мырза, терпенья,
Не гони вперед коня.

Очень горестная песня
Есть на сердце у меня.
Если ты поедешь вскоре
К знаменитым кыпчакам,
Сколько есть на свете горя
Я с тобою передам!

Задержись, аке, немного,
Подождет тебя дорога,
Солнце сядет в облака.
Человека надо слушать,
Если давит человека
Стопудовая тоска.
Разгадать секреты может
Только мудрый человек,
Но помочь в несчастье может
Каждый добрый человек.
Я живу в своём аиле,
В том, который видишь ты.
Опалённая любовью,
Вяну я в родном аиле,
Как растенье без воды.
Акмамат, и ты был молод,
И твоя бурлила кровь.
Знал ли ты, что хуже смерти,
Безответная любовь?
Может быть, и ты, сгорая,
Словно мучаясь от ран,
Умирал не умирая,
Как бедняжка Кишимджан!

Я невеста, у которой
Много горя и печали.
Нет мне вырытой могилы,
Позабыл меня мой милый,
Далеко его народ...
Может быть, ты в том аиле
Продавать свой будешь скот?
Как приедешь в тот аил,
Ты любимому скажи:
«У проезжей, мол, дороги
Встретил девушку, — скажи.

И была она печальна,
Горько плакала, — скажи.
Дочка бая Кулджигача
Шлёт привет тебе, — скажи.
Неужели ты не помнишь
Эту девушку, — скажи.
Ты исполнить эту просьбу
Обещаешь или нет?
Всё, что я тебе сказала
Ты запомнишь или нет?»

Акмамат хоть был не молод,
Но глядел не отрываясь
На лицо, на гибкий стан
Чернобровой Кишимджан.
К ручейку согнал он стадо,
Лошадь к дубу привязал,
Сел с красавицами рядом
И прочувственно сказал:
«Хоть уже не молод я,
Но меня взяла за сердце
Речь печальная твоя.
Можешь ты, сестра, спокойно
Положиться на меня.
Всё, что сказано тобой,
Разве можно позабыть,
Мой цветочек золотой?!
Речь твоя зажгла мне сердце,
Несмотря что я седой.
Я гоню своих баранов
В край, куда душой ты рвёшься,
В тот аил, где милый твой».

«Если есть к тому народу
У красавицы слова,
Сослужу тебе я службу,
Расскажи мне всё сперва.
Я народ киргизский знаю,
Хоть и родом сам — узбек.
Расскажи мне всё, как было,
Кто же этот человек?
Всё исполню, что прикажешь,
Просьба девушки — закон.

Как он мог нарушить клятву,
Тот, кто был в тебя влюблён!
Даже я—старик — растаял,
Даже я твоей красою
Словно юноша сражён.
Расскажи мне всё, как было,
Назови мне, кто же он?»

Кишимджан ему сказала:
«Не печалишься ли ты,
Что в дороге задержался
По моей, аке, вине?
Как сказал, что держишь путь
В тот кыпчакский дальний край,
Оборвалось всё во мне.

Ты, мырза, мне послан богом.
Пусть тебе, мой господин,
Будет гладкою дорога.
Передай ты Олджобаю
Грусть мою и мой привет.
Улетел мой смелый сокол,
А у раненой голубки
Взвиться в небо силы нет.
Улетел мой гордый ястреб,
Из моей любовной сети,
Заманить его обратно
У меня надежды нет.

Не жалея коня в дороге,
Поезжай, мырза, быстрее.
Оплачу тебе с лихвою
Честный труд и конский пот.
Как придёшь в чужие земли,
Разузнай об Олджобае,
Расспроси о нём народ.
Передай, что я живая,
Что моё слабеет тело,
Что тайком бежать из дому
В Тор-Айгыр я не посмела.
Что хотя бы перед смертью
Повидать его хотела.
Не задерживайся больше,

Уезжать тебе пора.
Если всю печаль поведать,
Засидимся до утра.
Повидайся с Олджобаем,
С белым соколом моим,
И назад спеши с ответом.
Пожалей меня, ты тоже
Был когда-то молодым!»
Услыхав слова такие,
Отвечал ей Акмамат:
«От твоей горячей речи
Даже камни на дороге
Прошибёт не раз слеза.
Стану вестником влюблённых,
Лишь бы только не увяла,
Кишимджан, твоя краса.
Словно лёд, на солнце таю,
Как взгляну в твои глаза.
Как же сердце Олджобая
Хоть на миг забыть посмело
Эти звёздные глаза?»

Если снег сползает с гор,
Значит—жди полей цветенье.
Тёплый добрый разговор
Для души — успокоенье.
Понадейся на меня,
Я пешком идти готов
До айла кыпчаков,
Потерять готов баранов,
Чтоб не слышать горьких слов.
Благодарности не надо,
Я не стану денег брать!
За мою услугу эту,
Ты себя хотя бы в щёку
Разреши поцеловать.
Не печалься золотая,
Мы отыщем Олджобая!
Я готов хоть под землёю
Для тебя его искать!
Ты пленяешь белизною,
Пред красавицей такою

Я—старик — гроша не стою,
Но за добрую услугу,
Ты себя хотя бы в щёку
Разреши поцеловать!
Ты, дитя, не побоялась
Про сердечные секреты
Откровенно рассказать.
Не возьму с тебя я денег,
Подойди ко мне, тростинка,
Дай себя хотя бы в щёку
Только раз поцеловать!

Поверни лебяжью шейку,
Не таи свою красу.
От батыра Олджобая
Весть тебе я принесу.
Пусть уносит всех баранов
На пути речной поток!
Пусть сойдут они с дороги,
Пусть заблудятся в лесу!
Для тебя, моя красотка,
Жизнь я в жертву принесу!
Что пленился красотой,
Акмамат не стал скрывать.
Разве сыщется такой,
Чтоб красавицу увидя,
Не хотел поцеловать?

За услугу не возьму я
Ни копейки, — он сказал.
Дай тебя я поцелую,
Не упрямясь», — он сказал.

Сдвинув брови, Кишимджан
Рассуждала про себя:
«Если я не дам коснуться
Старику своей щеки,
Он, наверно, не поедет
В тот аил, где кыпчаки.
Если я ему скажу,
Целовать меня не смей,
Он не выполнит, наверно,
Просьбы горестной моей».

И сказала ей подруга:
«Терпишь ты большое горе,
По ночам не можешь спать.
Ты страдаешь очень много,
Чтоб узнать об Олджобае,
Ты себя, не рассуждая,
Разреши поцеловать!
Он за этот поцелуй
Бросит всех своих баранов,
На коне своём поскачет
Весть быстрее передать».

Кишимджан с ней согласилась.
Уж любовь такое дело,
Перетерпишь всё на свете,
Чтоб унять свою тоску.
И печально повернулась
К Акмамату, словно лебедь,
И подставила щеку.

Прикоснулся к ней губами
Седовласый Акмамат,
У него запело сердце,
Запылал счастливый взгляд.
Будто он набрался сил,
На коня легко вскочил,
И хлестнул его так яро,
Так стремительно, как будто
От погони убегал.

И крича без передышки,
Он измученных баранов
Избивал, пока последний
В пыль густую не упал.
Через тучи чёрной пыли
Конь горячий мчался в мыле,
Рассыпая стук подков.
Акмамат всё время думал:
«Хоть бы мне скорей добраться
До айла кыпчаков».

Он спешил, и днём, и ночью
Гнал коня по перевалам,

Гнал коня зеленой степью,
Вдохновенный поцелуем
Гнал коня, что было сил.

Вот он видит пред собою
Кыпчаков большой аил.
Акмамат решил не мешкать.
Обойдя пешком весь стан,
Он у встречного спросил
Про батыра Олджобая,
Как велела Кишимджан.

И сказал ему кыпчак:
«Что ты бродишь здесь, как пьяный,
Или ты устал с дороги,
Не пойму тебя никак!
Что тебе в аиле надо,
Друг ты наш, иль, может, враг?
Правда ль ищешь Олджобая,
Или мелешь просто так?
Для чего тебе наш хан,
Хочешь просто повидаться,
Или чей-нибудь подарок
Должен хану передать?
Подожди-ка на пригорке,
Где собрался весь народ,
Славный вождь наш — Олджобай
Говорить с людьми придёт».

Появился Олджобай,
Знатный хан, кому подвластен
Весь большой кыпчакский край.

Если вождь тебя не знает,
Как же с ним заговорить?
Даже сами кыпчаки,
Видно было, не решались
С властелином говорить.
Видно было, не решались
Ни шептаться, ни шуметь,
Были счастливы хотя бы
На батыра поглядеть.

Акмамат стоял и думал:
«Видно, этот знатный хан
Никогда не вспоминает
Дорогую Кишимджан».

Акмамат вошёл в толпу,
«Пропустите к Олджобаю»,—
Он решительно сказал,
«Если с вестью опоздаю,
Стыдно будет мне»,— сказал.
Олджобаю, над толпой,
Акмамат махал рукой.
«Пропустите,— говорил,—
Я скажу ему два слова,
Весть, что золота дороже,
Передам я»,— говорил.

Растолкав густой народ,
Он протиснулся вперёд.

«Здравствуй, хан,—
Сказал приезжий,
Протянув батыру руку.—
У меня к тебе есть дело,
Слово есть к тебе,— сказал.
Я когда в аил ваш ехал,
У дороги, где источник,
Встретил девушек,—сказал.

Та, которая бледнее,
Та, что пери всех стройнее,
Подошла ко мне,— сказал.

Эта пери неземная —
Дочка бая Кулджигача,
Кишимджан — твоя подруга,
Горько плакала,— сказал.
Красоту её увидев,
Я теперь забыть навеки
Не смогу её,— сказал.
До сих пор я сам не верю,
Что видал не в сновиденьях

Эту девушку,— сказал.
Как красавицу такую
Ты одну в аиле бросил,
Как забыл её,— сказал.

Ты своей гордишься славой,
Ты могуч и знаменит,
Ну, а где-то у дороги,
Ожидая весть от друга,
Кишимджан твоя грустит».

Юный вождь насупил брови,
Вспомнил он, застыв на месте,
Ту, с которой рос он вместе,
Ту, которую любил.
Прошептал батыр сквозь слёзы:
«Как же я её забыл?!»
Если жаворонка песня
Льётся в поле, с высоты,
Зеленеют ярче травы,
Распускаются цветы,
Коль счастливым и богатым
Станет бедный человек,
О друзьях своих давнишних
Забывает он навек.

Олджобай как будто спал
И проснулся наконец.
К гриве лошади припал,
Так тоска его сдавила;
Словно в сердце Олджобая
Вдруг насыпали свинец.

Вспомнил он родной аил,
Всё, что с детства он любил,
На глазах всего народа
Почернел лицом, как будто
Зной батыра опалил.

«Милый дальний Чилмайран,
Там в горах, где скачут козы,
В травах кружатся стрекозы,

Где медовые цветы,
В муках мать меня рожала,
Обмывала, наряжала,
Там земля моя родная,
Без меня тоскуешь ты.
Мой цветущий, милый край,
Там мальчишка — Олджобай
Сел впервые на коня...
Там у речки мой аил,
Как же я тебя забыл?
Край родной, прости меня!»

«Там оставленная мной,
Дорогая Кишимджан,
Стала грустной и больной,
Стала бледной и худой,
Та, которая сияла
Неземною красотой.
Коль меня бы не прогнал
Сын Кочкора — Кудаке,
Быть бы ей моей женой!
Не ушёл бы я тогда,
Не оставил свой аил.
Будь же проклят этот день,
Этот час, когда о милой
Кишимджан я позабыл!»

«Если ястреб стал голодным,
Он в погоне за добычей
Над землёю низко кружит.
Если девушку оставить,
То красавица в разлуке
О своём любимом тужит.
Чилмайран, моя земля,
Верно нет такого дня,
Чтобы там не горевала,
Чтобы там не убивалась
Кишимджан из-за меня...»
Видя горе Олджобая,
Взволновались люди хана:
«Что случилось?» — говорят.
Никого не замечая,

Никому не отвечая,
Тут же вздумал Олджобай
Посетить аил родимый
Чилмайран — далёкий край.

Мать батыра — Бегимджан
Знала, что в довольстве хан
Позабыл о Кишимджан.
Но сама о ней ни разу
Не напомнила ему.
Ну какая мать захочет
Горя сыну своему?
Воды горного потока
Натыкаются на камни,
И серебряные брызги,
Ливнем, в стороны летят.
Видно хану Олджобаю
Много горького поведал
Этот вестник Акмамат.

И поднялся Олджобай
Гульбадам готовить в путь,
Чтобы ехать в Чилмайран.
И сжималось сердце хана
В сладкой радостной тревоге
Оттого, что он увидит
Дорогую Кишимджан.
Чачыке — подруга хана,
Гнева злобного полна,
Снега сделалась белее.
Подбежала к Акмамату
С острой саблею она.

Акмамат перепугался:
«Чачыке меня зарежет!» —
Закричал он сам не свой,
Став у хана Олджобая
За могучею спиной.

Чачыке кричала людям:
«Это он посеял смуту,
Он привез в аил наш горе;
Жизнь сгубить решил мою!

Что ж вы держите мне руки,
Я за козни Акмамата
Острой саблей зарублю!»

Олджобай сказал сурово:
«От тебя не ждал услышать
Я таких неумных слов!
Постыдилась ты хотя бы
Наших славных кыпчаков.
Затевать не стоит ссоры,
Вдалеке от Чилмайрана
Всё равно мне не житьё.
Даже беркут быстрокрылый,
Он и то всегда имеет
На скале гнездо своё.
Как без родины мне жить?
Прекрати шуметь напрасно,
Коль не бросишь эту саблю,
Я могу тебя убить!

Из аила, где я рос,
Акмамат мне весть принёс.
Только вспомню край родимый,
Удержать не в силах слёз!

Там рогатые олени,
От чинар густые тени,
Зелень в яркой синеве,
Там я бойким был мальчишкой,
Там за бабочками гнался
По цветам и по траве.
Я поеду в край родной
С Кулджигачем повидаться,
Чтоб закрыть ему глаза
В смертный час своей рукой.
Как же может дед о внуке
Не страдать и не грустить!
Был он мне отца роднее,
Как же я теперь посмею
Старика не навестить?

Я скакал на Гульбадам
По горам и по долам,

Я виновен, что забыл
В Чилмайране свой аил.
Что ж ты смотришь, Чачыке;
Что ж ты хмурая стоишь,
Что ж ты, глупая, дрожишь,
Как тростник на ветерке?
Ты — избранница моя,
Ты должна понять меня,
Что нельзя мне не поехать
Повидать свои края».

И сказала Чачыке:

«Сына — кровь твою и плоть —
Дал на радость нам господь.
Если ты от нас уедешь,
Если нас покинешь ты,
Станет горьким сиротою
Наш ребёночек-птенец,
Бедный мальчик — Акберды.

Оставайся хоть до завтра,
До утра хоть не беги!
Разобидятся наверно,
Возмутятся кыпчаки!
Потерпи ещё хоть ночь,
Ради мальчика хотя бы
Не беги отсюда прочь.
Если сына оставлять,
Олджобай, тебе не жаль,
Пожалей хотя бы мать,
Не под силу ей, старушке,
Эта горькая печаль!

Друг, послушайся меня!
Сядешь завтра на коня.
Я, батыр, жена тебе,
Я, батыр, не враг тебе,
Хоть я женщина, но умный
Я даю совет тебе!
Верь жене, избранник мой,
Если двинешься отсюда,
То несчастье приключится
Обязательно с тобой!»

Покраснел тогда батыр,
Словно алый мак весной,
Затянул тогда батыр
Золочёный пояс свой,
Рассердился Олджобай,
Поглядел на Чачыке,
Словно тигр, готовый в бой.

Ох, и трудная любовь,
От неё горит любовью!

Если так разволновался,
Если быстро так собрался,
Если в путь уже готов
Олджобай — великий хан,
Разве может кто-нибудь,
Из народа кыпчаков,
Преградить батыру путь
В тот далёкий Чилмайран?

Если ты непустишь литься
Воды прямо по арыку,
То и холм зальёт вода.
Если ястреб не кружится,
То пугливая лисица
В куст не прячется тогда,
Коль разлука не случится
У тебя с твоею милой,
Ты — счастливый человек.
Олджобай, когда б не слышал
Горькой вести из аила,
Не уехал бы вовек.

Был он крепким, был счастливым,
А теперь от этой вести,
От решенья ехать к милой
Стал счастливей и сильнее.

Как помчался он вперёд,
Закричала Чачыке:
«Не бросай наш Тор-Айгыр!»
Но разгневанный батыр

Не промолвил на прощанье
Даже слова одного.
Он хлестнул камчою лошадь.
Плач жены его несчастной
Не донёсся до него.

И пришла её утешить
Мать батыра — Бегимджан.
«Не печалься», — говорит,
«Он вернется», — говорит,
«Пусть он съездит в Чилмайран,
Ведь от родичей известье
Получил батыр-сынок.
Там с него смывали грязь,
Там отрезали пупок.
Там ведь вырос он у деда,
Мой красавец-голубок.

Неразумная, не сетуй
На супруга своего,
Не горюй, проси у бога,
Чтобы жизнь хранил его.
С той поры, как с Олджобаем
Мы явились к кыпчакам,
Наши родичи ни разу
Не прислали вести нам.
Жив ли старый Кулджигач
Мы не знали до сих пор.
Неразумная, не плачь,
Позабыть края родные,
Не поехать повидаться,
Для него бы был позор!
Кулджигач батыра ждёт.
Твой избранник Олджобай
Никуда не пропадёт!»

Глава 6

Тонит лошадь Олджобай,
Нетерпением горя.
«Я теперь свою судьбу
Испытаю», — говоря.
«Жаль, что рядом друга нет,
Одинок я», — говоря:
«В Чилмайране, в милом крае,
Жизнь моя, любовь моя».

С молчаливым Олджобаем
Рядом едет Акмамат.
Перепуганный до смерти
Прочь уехать из аила
С Олджобаем был он рад.

Под батыром Олджобаем,
Весь подтянутый и ладный,
Конь с уздечкой золотой.
Олджобай молчит угрюмо,
Смотрит вдаль, не замечая
Ничего перед собой.

А вокруг него сверкает
Вешним солнцем синева.
Едет он и вспоминает
Дорогую Кишимджан —
Взгляд её, её слова.

Как услышал весть о милой
Из родимого аила —
В сердце радость и тоска.
Едет он, нахмурив брови,
И лицо его пылает
В свежих струях ветерка.

Грустно думает он думу:
«У кого богатства нету?
У кого отваги нету?
А любовь — другое дело,
Ей цены на свете нету!»

По равнинам, по горам
Скачет лошадь Гульбадам.
Переходит реки вброд,
Оставляет за собою
Рощи, травы и пески,
Удлиняются от бега
Лошадиные скачки.
И с лоснящегося крупа
Пар идёт и каплет пот.
Где подкова бьёт звеня,
Словно рушится земля.
Берега дрожат у рек,
Изо рта у скакуна
Хлопья падают на землю —
Пена белая, как снег.
Из-под быстрых конских ног
Дымом вьётся пыль дорог.

Кожа лошади подпругой
На боках истёрлась в кровь.
Разве может медлить путник,
Если ждёт его любовь?
Он летит вперёд, как птица,

Он душою к ней стремится,
У него туманный взгляд.

Вот, простившись с Олджобаем,
Повернул своей дорогой
Спутник хана—Акмамат.
Нет рядом с Олджобаем
В тихом поле никого.
Едет он и днём, и ночью,
В дождь, под солнцем,
Сквозь туман;
И когда совсем стемнело,
Он приехал в Чилмайран.
Он подумал, что наверно
Все легли в аиле спать.
Пробирался потихоньку,
Чтобы вражеского глаза
По дороге избежать.

Вдруг он слышит шум в аиле,
Вдруг он слышит смех в аиле,
Игры девушек в аиле,
Праздник видимо в аиле.
Хором юноши поют.
Гости пляшут, гости пьют.
И не знает Олджобай,
Что красотку Кишимджан
Силой замуж отдают.

Злая грусть его томила,
Он не знал про жизнь аила,
Много лет он не был тут...
Почему шумят и пьют,
Думал он с большой тревогой,
«Может это Кишимджан
Люди замуж отдают?!»

Сокрушаясь, чуть не плача,
Он глядел по сторонам.
Вот в сарае Кулджигача
Привязал он Гульбадам.
Торопясь, в душевной муке,

Взял себя приезжий в руки,
И быстрее пошёл в аил
Разузнать, кто режет скот,
Дочь, кто замуж выдаёт.

И у встречной молодухи
Он встревоженно спросил:
«Почему шумят?» — спросил.
«Что за игры здесь?» — спросил.
«Это свадьба или нет?» —
Он спросил, а сам боялся
Услыхать её ответ.

И сказала молодуха:
«Это пир у Кулджигача,
В белой юрте у него
Происходит сватовство.
Пятый день едят и пьют,
Дочь меньшую Кулджигача
Силой замуж отдают».

«Сын Кочкора — Кудаке
Сам устроил этот той.
Сам за играми следит,
Сам за пиршеством следит,
И жена его, на свадьбе,
Словно главная из женщин,
Сватовством руководит.

Каждый день богатый той.
И с невестой молодой
Байназар в отдельной юрте
День и ночь вдвоём сидит».

Олджобай нахмурил брови,
Сердце бедного батыра
Облилось горячей кровью.
Неуверенно, несмело,
Подошёл он к юрте белой,
Поглядеть решил тайком,
Как сидит его подруга
С Байназаром-женихом.
Подошёл и видит в щёлку:

В юрте, возле жениха,
Кишимджан его сидит
Разодетая в шелка.
Жемчугами перевита
На груди её коса.

В сердце девушки — тоска.
Ей, как похороны этот
Шумный той, богатый той.
...Олджобай не возвратился,
Олджобай забыл наверно
О голубке молодой.

Вдруг взглянула Кишимджан,
И заметила, что смотрят
В щель горячие глаза.
«Неужели это он?
Правда это или сон?
Неужели Олджобай,
Господин её души,
Повидать пришёл Кишим?!»

Кишимджан глядит в упор,
Взором ищет милый взор,
Как глаза столкнулись их,
В это самое мгновенье
И сердца столкнулись их.
В юрте бедная невеста
То сидит, то вскочит с места, —
Значит жив он! Значит здесь!
Он откликнулся на весть!
Умирающему сердцу
Значит вновь спасенье есть!

Байназар заметил это:
«Что с тобой?» —
Её спросил.
«Почему встаёшь?» —
Спросил.

Ну, а разве усидит
Кишимджан, когда любимый
Вновь в глаза её глядит?
Эх, беда с любовью этой!

Кишимджан была мрачна,
А теперь вдруг засияла,
Как весенняя луна.
Рассмеялась Кишимджан,
Расцвела, преобразилась,
Обновилась вдруг она!

Не сдержался Олджобай,
И, решив проникнуть в юрту,
Он рванул тугую дверь.
Кишимджан пошла навстречу,
Протянула другу руку,
Села рядом с Олджобаем,
Словно с голубем голубка.

Байназар был удивлён:
Ведь жених не гость,—а он!
Почему ж его Кишим
Села с гостем, а не с ним?

У него вскипела кровь,
Вскинул он густую бровь.
Словно лев рассвирепел:
«Как приезжий человек
Вдруг сюда войти посмел?!»
И промолвил Олджобай:
«Байназар из багышей,
Не держи в душе обиду,
Я — кыпчак, приехал в гости
В Чилмайран на десять дней.
Не подумай, что с невестой
Сговорился я твоей!

Ты не думай,— он сказал,
Что пришелец—Олджобай,
Может скрытый недруг твой.
Говорили мне, что ты
Здесь зарезал кобылиц
И созвал народ на той.
Ты поверь мне, что пришёл я
К вам с открытою душой.

Я от сердца одобряю
Выбор сделанный тобой!

Получил я весть недавно,
Что соскучился по внуку
Кулджигач, старик больной.
Я пришёл его проведать,
Он растил меня и холил,
Будто сам отец родной.

Ты собрал народ в аиле,
Ты отдал калым, чтоб стала
Кишимджан твоей женой,
В честь тебя, жених счастливый,
Я пришёл на этот той!
Что ж стоишь ты предо мною
Насторожен и угрюм,
Пусть тебе плохие мысли
Не идут, батыр, на ум».

Байназар тогда ответил:
«В мыслях нет моих дурного!
Я словам твоим поверил.
Рад, батыр, я в день такой
Пригласить тебя на той...
Отдохни, стряхни с одежды,
Гость приезжий, пыль дорог.
Если хитрость ты задумал,
Сохранит от зла нас бог!»

Байназар из юрты вышел,
И батыру Олджобаю
Рассказала Кишимджан,
Что в аиле происходит.

«Ты мой сокол черноокий,
Ходишь-бродишь одиноким.
Друга рядом нет с тобой!
Кудаке — глава в аиле,
Он затеял этот той.
Кудаке, тебя изгнавший,
Байназара из Багыша

Сделал самым близким другом.
И меня он заставляет
Байназара стать женой.

Ты смотри не пей до дна
Чашу полную вина!
Ты в своём родном аиле,
Словно волк среди собак.
Если б не было бы деда,
То по воле Кудаке
Каждый житель Чилмайрана
Был бы твой заклятый враг.

Я как будто птица в клетке,
Как противиться мне злу?
Будь, любимый, осторожен,
Чтоб тебе не опьянеть,
До конца не осушай ты
За едою пиалу.

У тебя врагов здесь много,
Постарайся в меру пить.
Как тебя бы не схватили,
Как потом бы не случилось
Век мне в трауре ходить!
Пожалей свою голубку,
Олджобай мой дорогой,
Как враги б не налетели,
Как тебя б не задушили
Здесь предательской петлёй!
Нет друзей с тобой в аиле,
Это пиршество с врагами
Не окончится добром».

Так сказала Олджобаю
Кишимджан, дрожа и плача,
Дочка бая Кулджигача,
Пери с чёрными глазами
И с высоким белым лбом.
В это время, в ту же юрту
Кудаке пришла жена.
Вновь прибывшего батыра

Вдруг заметила она,
Побежала тут же к мужу,
«Он явился»,—говоря,
«Олджобай внезапно прибыл,
Он опасный»,—говоря,
«Сразу сделалась весёлой
Кишимджан — сестра твоя.

А жених из Уч-Багыша
Вдруг из белой юрты вышел.
Видно так он испугался,
Что удрал бы из аила». —
Так доносчица язвила,
Это мужу говоря.

Кудаке рычал от злости:
«Побеги скорей обратно!
Напой-ка водкой гостя,
Напой его бузой!
Чтоб не смог подняться с места,
Чтоб не смог пошевелить он
Ни ногою, ни рукой.

Я у этого бродяги
Отобью навек охоту
Появляться в наш аил!
Угощай его как надо,
Будь с ним ласкова как надо,
Чтоб побольше ел и пил.
Сядь сама с приездом рядом,
Подливай тихонько водку;
Я на пьяного наброшу,
Сзади, ловкую петлю.
И, схватив его за глотку,
За секунду умертвлю!»

Не скрывал свой план коварный
От супруги Кудаке.

Вот за тоем, в белой юрте,
Подошла она учтиво
К молодому Олджобаю
С полной чашею в руке.

Байназар вернулся в юрту,
И как будто по приказу,
Началось веселье сразу.
Чтобы гостю угодить,
Все батыра Олджобая
Стали водкою поить.

Хоть любимая сказала,
Чтоб с врагами пил он мало,
Столько выпил он, что стало
От питья его мутить.

Стоит только перепиться,
С ног начнёт батыр валиться,
Безобразным станет вид.
На животное похож он,
На скота, который в поле
Обожрался и лежит.

А другие мало пили,
За хмелеющим следили,
Только так, чтоб он не видел,
Ничего б не понимал.
Олджобай перед гостями
Вдруг, как дерево качнулся,
И внезапно ткнулся в землю,
Лёг на пол и задремал.

Кишимджан, увидев это,
Испугалась, подбежала,
Стала милого будить:
«Друг, открой глаза,— сказала,—
Поднимись родной,— сказала,—
Я ж тебя предупреждала,
Что не надо много пить!»

Кудаке жена помчалась
Рассказать об этом мужу.
«Всласть его мы напоили,
У него в глазах темно.
Он валяется в аиле,
В белой юрте, как бревно».

Кудаке теперь был беком,
Весь в руках держал аил.
Он, созвав своих джигитов,
Тихо праздничную юрту
Вместе с ними окружили.

Шли нахмурившись джигиты.
Было им батыра жалко,
Но никто об этом громко
Не решался говорить.
И вошли послушно в юрту
С Кудаке, в одну минуту
Женщин всех прогнали прочь.
Кишимджан рыдает в горе,
Нету выхода у бедной,
Нету друга, чтоб помочь.

Растолкав толпу народа,
Кишимджан плеснула воду
Другу спящему в лицо.
Приоткрыв глаза, взглянул он,
Что готовится — смекнул он,
И один, со всей толпою,
Он пустился смело в бой!
Кишимджан кричит со страха:
«Пропадёшь, любимый мой!
Пусть убьют, но Байназара
Я не сделаюсь женой.
Пусть своё добро и скот
Байназар назад берёт!
Кудаке, шакал, предатель,
Ты за что так ненавидишь
Олджобая моего?
Разве это справедливо,
Чтоб внезапно нападали
Сразу все на одного?»

Олджобай крутого нрава:
Если бой,—так значит бой!
Он налево и направо
Наступающих джигитов
Раскидал перед собой.

Ловко в драке увиваясь,
Волчьей стае не сдаваясь,
С налетевшими врагами
Быстро справился герой.
Он один — батыр могучий
Всех джигитов одолел.
Кудаке, хотя и грозен,
Но с батыром Олджобаем
Сам тягаться не посмел.

Олджобай, ступая гордо,
За конём пошёл в сарай.
Удивлялся весь аил:
«Вот так сила у него!
Всех джигитов победил!
Ловкий, смелый Олджобай!»

И под шум и разговоры,
Сев на лошадь Гульбадам,
Олджобай помчался в горы
По обветренным полям.

* * *

Кудаке опять ликует:
«Испугался нас кыпчак! —
Кудаке о нём сказал: —
Не приедет больше к нам,
Продолжайте той», — сказал.

Не ответивши ни слова,
Все вернулись в юрту снова,
Продолжать вернулись той.
Кишимджан сияла счастьем,
Потому что невредимым
Друг остался дорогой.

Разобиженный, угрюмый,
Байназар сказал невесте:
«Ты хотела, чтобы я
Взял обратно свой калым?
Оскорбила ты меня,

Сговорила ли, Кишим,
Ты с возлюбленным своим,
Чтобы он пришёл на той
Повидаться здесь с тобой?

В шубе, в грязном колпаке,
Разве ровня он тебе?
Хитрый, тёмный человек,
Разве пара он тебе?
Разве он — кыпчак, бродяга,
Может мужем быть тебе?

С появлением Олджобая
Стала ты совсем другая.
Вся горишь, как от огня!
Чем же лучше он меня?
Кыпчаки дурной народ,
Тор-Айгыр — никчёмный край,
Где живёт твой Олджобай.
Он бродяга из бродяг,
Твой возлюбленный кыпчак!»

И сказала Кишимджан:
«Самый лучший в мире край,
Где живёт мой Олджобай!
Как бы ни был он одет,
Жениха красивей нет!

Если сердце рвётся к сердцу,
На пути преграды нет!
Пусть накликаю беду,
Только замуж за тебя
Всё равно я не пойду!

Ну, а если б Кудаке
Был душою не подлец,
Был бы он хорошим братом,
Не прогнал бы Олджобая, —
Чем он, бедный, виноват,
Что кыпчак его отец?
Мне не нужен этот той,
Скот бери обратно свой,

У меня жених другой—
Олджобай мой дорогой!»

Сын Кочкора с Байназаром
Продолжать решили той.
Развлекали все невесту,
Как могли, наперебой.
Парни с девушками пели,
И взлетали вверх качели
В шумной роще, под луной.

Ну, а люди Чилмайрана
Рассуждали меж собой:
«Дочка бая Кулджигача
Выйдет замуж или нет?
Сильный, храбрый Олджобай
К нам вернется или нет?»
С тайным умыслом, в толпе,
Кишимджан свою подругу
Разыскала еле-еле
И тихонечко спросила:
«Ты помочь смогла бы мне?»

Я хочу уйти отсюда,
Так невеста ей сказала.
Погляжу-ка, где мой ястреб,
Где любимый мой, — сказала.
Байназару ты скажи,
Мол, невеста Кишимджан
Отдохнуть пошла немного,
Мол, устала вдруг она.
Ты скажи, что с малых лет
Сердцем Кишимджан больна.

Пусть до самого рассвета
Продолжается гулянье.
Ты скажи, что на поляне
Сразу стало худо мне.
Жениху скажи, что скоро
Я вернусь сюда обратно,
Отдохнувши в тишине».

Говорят, для молодого,
Что ни день — то развлеченье,
Но на свете много горя,
Жизнь и к юности сурова.
Олджобай на Гульбадам
Возвратился вскоре снова.

И за белой юртой стоя,
Он сказал всего два слова:
«Я вернулся», — он сказал.
И пустила Кишимджан
В юрту гостя дорогого.

Байназар из Уч-Багыша
Волновался между тем:
«Ну, когда ж она придёт?»
Нету рядом с ним невесты.
Что она ушла куда-то,
Вдруг заметил весь народ.

Кудаке жена, узнав,
Что пошла домой невеста,
Торопясь, вихляя задом,
По тропе идёт в аил.

Став у двери юрты белой,
Как гиена прошипела:
«Ведь сегодня праздник твой!
Ты смутила весь народ!
Не дури, иди обратно,
Там тебя жених твой ждёт!»

И ответила невеста:
«Вдруг мне стало худо очень,
Из-за сердца нету мочи!
Плохо стало на беду.
Воротись к весёлым играм,
Посижу я здесь немного,
И опять туда приду!
Возвращусь опять на той,
Пусть немного подождёт
Байназар мой дорогой!»

Рассердилась, разворчалась
Злая — Кудаке жена.
Много бранных слов сказала
Бедной девушке она.
И, метнувшись хищной птицей,
Стала тётка торопиться
Не на игры, не на той,
А в аил, к себе домой.

Кишимджан сказала тихо:
«Мой возлюбленный, вставай!
Не к добру её приход,
Доносить она идёт!
Кудаке, заклятый враг,
Вновь народ свой приведёт!
Друг, послушайся меня,
Сядь быстрее на коня!
Не случилось бы греха!
Я оставила на играх
Байназара-жениха,
Он-то мне совсем не нужен,
Я тебя считаю мужем,
Но пора тебе, пойми!
С шеи бедной Кишимджан
Руки белые сними.
Кишимджан его торопит:
Слышишь жаворонка песню?
Значит — близится рассвет!
Начинают петь молитву,
Слышишь, шепчется курай?
Встань мой сокол, Олджобай!»

Но батыр молчит в ответ.
Сладки юноше объятья,
Если юноша влюблён.
Не владел бы грозной силой,
Не остался б с милой он.
Всех он в битве победит,
Так он дерзок и силён!

Он в своей прекрасен страсти,—
Взгляд у юноши горит.

«Как бы не было напасти,—
Кишимджан ему твердит.
«Встань, любимый мой, с постели,
Не упрямясь, друг, вставай!
Слышишь жаворонка трели?»

И ответил Олджобай:
«Ни к чему твоя тревога,
Мне не страшен злобный враг.
Если птица распевает,
Пусть на птицу эту, в небе,
Налетит голодный ястреб,
Если начали молитву,
Счастье просит пусть у бога
Обездоленный бедняк».
И опять они обнялись —
Двое радостных влюблённых,
И тела их перевилились,
Словно белый шёлк кручёный.
Целовались, миловались
И часов не замечали.

Если б счастье видел их
Посторонний человек,
То, наверное, печали
Он не ведал бы вовек.

А меж тем, жена врага
Разбудила Кудаке:
«Слушай, что скажу тебе я.
Кишимджан вполне здорова,
Ой, как врёт она тебе!

Я за нею приходила,
И бесстыдница меня
Даже в юрту не пустила,
И со мною через двери,
Ой, как грубо говорила!

Кудаке, быстрее вставай!
Не пришёл ли Олджобай?
Надо всё тебе узнать.

Из-за этого бродяги
Эта девушка дурная
Может свой народ предать!
В речи, в голосе её
Я слыхала много лжи!
Мне казалось, что она
Со своим дружкой лежит!

Не сбежала ли к нему
Кишимджан от жениха?
Байназару одному
Стыдно быть среди гостей.
Поднимайся, Кудаке,
Как бы не было греха.

Как явился Олджобай,
Прошлый раз сюда в аил,
Как он начал водку пить,
Не хватило видно сил
У тебя, великий бек,
Олджобая победить!

Оробел пред ним народ.
Кишимджан, в конце концов.
Ой, заставит нас с тобой
Жениху вернуть весь скот!
Олджобая не поймать, —
Значит много потерять!
Кишимджан сбежит от нас,
И придётся пред багышем
За невесту отвечать!

Олджобай уедет с ней!
Собирай народ скорей,
Не испытывай судьбы,
Негодяя заруби!»

Кудаке вскочил с постели.
«Будь он проклят, — говорит.
Кишимджан опять взбесилась,
Я схвачу их, — говорит.
Я бродягу Олджобая

Уничтожу», — говорит.
Побежал он к Байназару.
«Пусть поможет», — говорит.

А жена среди народа
Злобной речью мутит воду.
Языком поганым вертит,
Худо будет, мол, ему!
Ну, а люди Олджобаю
Не хотят ни зла, ни смерти
И сочувствуют ему.

Серым стал жених от злости,
На него косятся гости.
Кудаке ему сказал:
«Я узнал плохие вести,
Олджобай пришёл, — сказал.
Мы окружим юрту снова,
Позаботься о невесте,
Помоги нам», — он сказал.

Окружили юрту снова.
Закричали Олджобаю:
«Выходи, кыпчак, добром,
А не то сейчас разрубим
Двери юрты топором.
Ты бродяга, — говорят.
Издеваешься над нами,
Нас позоришь! — говорят.
Разлучил ты двух счастливых,
Пёс кыпчакский, — говорят.
Ты бродяга, в этот раз
Не отвертись от нас!»

Кудаке кричит джигитам:
«Вы к постели пригвоздите,
Уничтожьте кыпчака!
Сеет он меж нами ссоры!
Смуту сеет и вражду!
Пред людьми меня позорит,
В наш аил несёт беду!»

Олджобай спросонок, в юрте,
Слышит шум и голоса.
Кудаке грозит пришельцу:
«Слушай, с нами шутки плохи,
Я тебе, кыпчак проклятый,
Вырву подлые глаза!»

Дед батыра — Кулджигач
Заметался, как безумный,
Олджобай из юрты слышал
Кулджигача громкий плач.
Причитал он сквозь рыданья:
«Окружила Олджобая
Свора бешеных собак!»

Ведь ему дороже сына
Был приехавший кыпчак.
Плохо дело Олджобая,
Понял он, почуял он,
Что врагами окружён.
Хоть и был один, без друга,
Не имел ничьей защиты,
Он, не прячась, без испуга,
Как достойный воин встретит
Нападение джигитов.

Облегала хана туго
Пятирёбрая кольчуга,
Он, надев свой мощный панцырь,
Был к сражению готов.
Одному с толпой врагов
В бой пускаться бесполезно,
Но стоял он так геройски,
Так бесстрашно, что казался
Человеком из железа.

Быстро встала Кишимджан
И, застывшая в испуге,
Чуть мерцающий светильник
Держит, плача, пред собой.
Кулджигач, — старик несчастный,
С горя грохнулся на землю,
Бьётся, словно в лихорадке,
И кричит: «Сыночек мой!»

Ворвались джигиты в юрту,
И лицом к лицу со смертью
Олджобай, как лев свирепый,
Бьётся с яростной толпой.
Изо всех сражаясь сил,
Многих в битве он свалил,
Не давая передышки
Наступающим врагам.
Бьётся он, и незаметно
Пробирается к дверям.

И, застывшая на месте
В страхе, видит Кишимджан,
Что на шею Олджобая
Вдруг набросили аркан.
Тянет вниз петля из кожи,
Олджобай дышать не может,
Очень худо Олджобаю,
Боль бросает в дрожь и в жар.
Дали юноше подножку,
И свалился он на землю,
Как подрубленный чинар.

Олджобая бьют ногами,
Бьют свирепо кулаками,
Он истерзанный, избитый,
Пеленой в глазах туман.
«Ой, убили Олджобая!»—
Закричала Кишимджан.

Долго длился бой жестокий,
На земле, затихнув вдруг,
Олджобай не шевелился.
... Так бывает с одиноким,
Если нет друзей вокруг.
Кулджигач с женой-старухой
Подошёл к нему шатаясь,
«Ох, замучили бедняжку»,—
Сквозь рыданья говоря.
От безжалостных ударов
У батыра Олджобая
На спине рубцы горят.

И, упав на Олджобая,
Кулджигач запричитал:
«Воронёнок мой любимый,
Жеребёнок мой родимый,
С детства был ты одинок!
Были б рядом кыпчаки,
Подлый враг тебя, мой сокол,
Умертвить тогда б не смог!
Далеко ты жил отсюда,
Но надеялся я всё же,
Что приедет мой сынок».

Горько плакал Кулджигач:
«Кудаке, наш враг проклятый,
Как ты мог его убить?
В час, когда закрою веки,
Чтоб не смел ты, чёрный ворон,
Кулджигача хоронить!
Чтоб не смел ты появляться
На глаза мне никогда.
Сердце холодно к тебе,
Как в колодезе вода!»

Кудаке сказал народу:
«Собирайте снова игры,
Продолжайте, гости, той.
Мы сходили к кыпчаку,
Повидали кыпчака,
Посчитались с кыпчаком,
Долг мы выполнили свой.

Больше в драке он не сможет
Силу людям показать!
Из его кыпчакской кожи
Станем ремни нарезать!

Навсегда кыпчак утих,
Только жаль, что не увидит,
Как красавицу обнимет
Байназар — её жених,
Как поставим юрту снова,
Созовём народ аила,

Как поднимем снова чаши
За здоровье молодых!»

Так хвалился Кудаке,
Издевался Кудаке,
«Не придёт кыпчак обратно», —
Ухмылялся Кудаке.

* * *

Как за горы солнце село,
Как в аиле потемнело,
Как собрался спать народ,
Олджобай пришёл в себя,
Вновь к нему вернулась речь.
Кишимджан ушла нарочно,
Чтоб внимание отвлечь.
Над батыра головой
Кулджигач сидит с женой.
«Что болит скажи, сынок,
Был твой обморок глубок,
Думал я, что наступил
Для тебя последний час.
Если б не было врагов,
Жил бы ты всегда при нас.

Кудаке, племянник мой,
Ни за что тебя избил!
Ты садись на Гульбадам,
Поезжай в родной аил.
Избежал ты чудом смерти,
Значит, будешь долго жить!
Поезжай за кыпчаками.
И обратно возвращайся,
За обиду отомстить!

Кыпчаки тебе помогут,
Отправляйся в путь-дорогу!
Передай от нас поклон.
Нет товарища с тобою,
Потому ты, мой сиротка,
Вражьей силою сражён.

Я беспомощен и сед,
От меня поддержки нет.
Сядь, сынок мой, на коня,
Возвращайся в свой аил.
Набирайся свежих сил!
Будь надеждой для меня».

А бедняжка Кишимджан
Волновалась между тем:
«Как там белый сокол мой,
Что с моими стариками,
Не пойти ли мне домой?»

Ничего о них не зная,
Шла к аилу Кишимджан,
Не имевшая вестей,
Со смеющимся лицом,
Чтоб не вызвать подозренья
У пирующих гостей.

Вот стоит у белой юрты
На готове Гульбадам.
Кулджигач с женою плачет,
Горько бедным старикам.
«Будь здоровым, наш сынок,
Отправляйся», — говорят.

В это время подошла
К Олджобаю Кишимджан:
«Ты лети, мой белый сокол,
Прочь от вражеских сетей,
Не пойду я за багыша,
Разве только после смерти
Он с собою взять захочет
Узелок моих костей.

Если ты — батыр отважный,
Не уронишь доброй чести,
Если ты — герой отважный,
То твоей дождётся мести
Враг опасный, как змея.
Ждать тебя готова я!»
И сказав родным: «Прощай!» —

Сел на лошадь Олджобай.
И помчался по дороге,
Мимо гор, в кыпчакский край.

Как узнали все в аиле,
Что сбежал опять кыпчак,
Меж собою говорили:
«Не смогли его поймать, —
Всем теперь не сдобровать!
Он, хитрец, упал для виду,
Он себя не даст в обиду!»

Слыша эти разговоры,
Байназар решил уйти.
Мол, пускай утихнут ссоры,
Мол, приду в себя в пути.

Кудаке сказал багышу:
«Человек не умирает,
Коль не пробил смертный час.
Олджобай, кыпчак проклятый,
Сколько б с нами ни боролся,
Победить не сможет нас!

Отправляйся в свой аил,
Своего седлай коня,
Если быстро не вернёшься,
Оскорбишь, батыр, меня!
Возвращайся в Чилмайран.
Если буду только жив,
Ты получишь Кишимджан».

И отправился жених.
«Я приеду, — говорил.
За невесту дал я скот,
Я ваш родич», — говорил.

Глава 7

ерез ровную долину
Едет всадник на коне.
Вон — болото с тростниками,
Ног оленьих вон следы,
У ложбин — большие камни,
У ручья — ковром цветы.
И в лесу звенящий щебет
Раздаётся меж листвы.

Видно, путник утомлён,
Под чинарою густой
Отдохнуть ложится он,
Сразу голову его
Одолеп тяжёлый сон.

А вокруг него — краса,
И поляны, и леса,
Козы прыгают с камней,
Где ручья весёлый звон.
Полыхает синева.
Дремлет зной. Безлюдья тишь.
Только дунет ветерок, —

Заколышится трава,
Зашуршит густой камыш.
Здесь, где пенье синих рек,
Где стоит большой чинар,
Где гуляет ветерок,
Если даже одинок, —
Будет счастлив человек!
Это сказочное место
Называют Чук-Терек.

Здесь, стреножив скакуна,
Олджобай усталый спит.
И богатая одежда —
Налокотник чистой меди,
Ворот с яркой позолотой,
Как стелко, на нём блестит.

И натянутая туго
На большой его груди
В мелких дырочках кольчуга —
Через отверстия такие
Даже пуле не пройти.

Крепко спит в траве герой.
Кто не звал его на той,
Кто его не уважал,
Кто, в борьбе тягаясь с ним,
На лопатках не лежал?

Плотно сомкнуты ресницы,
Будто смёрзлись навсегда.
Что ж ему такое снится —
Распевающие птицы
Иль звенящая вода?
Иль народ его аила,
Или снятся очи милой,
Взгляд влюбленный,
Тонкий стан
Ненаглядной Кишимджан.

Гульбадам его пасётся
В сочной солнечной траве.

Спит батыр, и дремлют мысли
У батыра в голове.

Спит батыр, а солнце светит
В неоглядной синеве.
Крепко спит в разгаре лета.
Сладко спит в сиянье света.
Под чинарою густой.
Ничего батыр не слышит,
Грудь его спокойно дышит,
Только в сердце неуснувшем
Лик подруги дорогой.

* * *

А невеста Кишимджан
Ходит с думою одной:
«Где же милый Олджобай,
Где далёкий сокол мой?»

И пришёл на ум невесте
Серый жаворонок-вестник:
Пусть летит певец ручной,
Пусть узнает, где любимый,
Мёртвый он или живой?
И вспорхнула в небо птица,
Чтобы с вестью возвратиться,
Чтоб в неведение о милом
Не томилась Кишимджан.

Но про жаворонка знала
Злая Кудаке жена.
Прибежала быстро к мужу
И, запыхавшись, сказала:
«Кишимджан послала птицу,
Чтоб узнать, где Олджобай.
Это — жаворонок-вестник,
И его любой ценою
Ты настигни и поймай!»

А певец, расправив крылья,
В голубом чернеет небе

И несётся, как стрела.
Через синь озёрных вод,
Через пастбища и скалы,
Через камни перевалов,
Через заросли болот.

Он на землю не садится,
Он — выносливая птица,
Над предгорьями летая,
Ищет вестник Олджобая.
Через воды горных рек
Он летит к большой чинаре,
Прямо к месту Чук-Терек.

По земле мелькают тени,
В рощах бегают олени,
На ветру шумит листва.
И колышется густая
Шелковистая трава.

В гуще леса — птичий щебет,
Серебристый звон воды,
Золотое время это, —
В пору летнего расцвета
Ароматные цветы!

Над землёю пролетая,
Умный жаворонок-вестник
У ручья, под сенью листьев,
Вдруг увидел Олджобая.

Он слетел к густой чинаре,
Отдохнуть слетел на ветку,
Мягко крылья распластал;
Над батыра головою,
Над высокою травой,
Грустно он защебетал.

А вблизи гуляет лошадь,
След подковы у болота,
Шелестит густой курай.
«Кто-то жалобно щебечет,

Будто горько плачет кто-то», —
Про себя, сквозь сон подумал
Утомлённый Олджобай.

Приоткрыв глаза, он видит
Птицу серенького цвета,
Видит — жаворонок машет
Лёгким крылышком своим.
Если он лесная птица,
Почему слетел так низко,
Если он ручная птица,
Почему грустит над ним?

Или это добрый вестник
К кыпчакам летит в аил?
И с печальной этой птицей
Олджобай заговорил:

«Почему, скажи мне, птица,
Ты слетела с высоты?
Просто ль жаворонок ты,
Иль волшебник, может, ты?
Я не змей круглоголовый,
Почему ж, взъерошив перья,
Так пугливо стонешь ты?

Почему ты беспокойен,
Болен ты, иль, может быть,
Хочешь новость сообщить?
Почему твой клюв открыт,
Может, птица, хочешь пить?

Что так жалобно ты стонешь,
Может, ты в пути устал,
Или, может быть, в несчастье
Ты подругу потерял?

Я и сам в огромном горе...
Ты себе другое место
Для печали поищи!
Не сиди ты надо мною,
Над моею головою
Не стони, не верещи!

Улетай-ка лучше, птица,
В мой далёкий Чилмайран.
Я здоров, скажи любимой,
Я вернусь, скажи любимой,
Я в печали не оставлю
Дорогую Кишимджан».

Только вымолвил он это,
В небо жаворонок взвился,
Будто вновь набрался сил.
Думал он, певец крылатый:
«Стал теперь я вроде свата,
Как бы ястреб по дороге,
Вдруг меня бы не схватил!»

Пролетела птица-вестник
Над хребтами чёрных скал.
Солнце жгло её лучами,
Ветер крылья ей трепал.

Мчался жаворонок-вестник,
Что он только, быстрокрылый,
На пути не испытал!
И когда он над пустыней
Чёрной точкой пролетал,
Кудаке жена азартно
Подзадоривала мужа:
«Не пойдёт за Байназара
Эта дура— Кишимджан».

Не к нему она стремится!
У неё, я знаю, с детства
Умный жаворонок есть.
И она за Олджобаем
Тайно выпустила птицу,
Чтоб прислал он с птицей весть.

Может, вестница ручная
Повидала Олджобая
И теперь летит обратно
Над долиной, в Чилмайран?
Измени, испортить погоду,

Сделай холод, сделай бурю.
Напусти густой туман!

Ты же в силах сделать это —
Мерзлоту в разгаре лета.
В зной полдневный—вызвать снег.
Коль не схватишь эту птицу,
Враг сбежавший возвратится.
Он — опасный человек!»

Кудаке глаза таращит,
Брови ходят ходуном.
Был он хитрым, был коварным.
Был искусным колдуном.

Дунул он, взмахнул руками —
Пробежала в поле тень,
И, закрывшись облаками,
Почернел прозрачный день.
Свистнул он—сгустились тучи
И ударил вдруг мороз.
Бедный жаворонок-вестник
По дороге перемерз.

Снег летит в него комками,
Вестник выбился из сил.
Он с продрогшими крылами
Опускается в аил.

Там стояла, как на страже,
Бека злобного жена.
И за пазуху погреться
Птицу спрятала она.

И тогда, увидев это,
Быстро верная подруга
Прибежала к Кишимджан:
«Прилетел обратно вестник,
Он замёрз в пути,— сказала.—
Ну, а эта злая тётка
Птицу спрятала,— сказала.—
Как бы он, попав к ней в руки.
Не погиб от зла», — сказала.

Испугалась Кишимджан:
«Светик, жаворонок мой,
Долго он летел, бедняжка,
И не смог попасть домой!»

Подбежала, плача к тётке:
«Ты зачем его схватила?
С детства птицу я растила,
Отдавай её скорей!»

Друг мой верный — эта птица!
С ней росла я, баловница,
Был он радостью моей».

Но замерзший бедный вестник
Был уже у Кудаке.
Отнесла его смутьянка,
Отдала тихонько мужу,
Отогрела, чтоб погиб он
У предателя в руке.

«Кудаке, отдай мне птицу!» —
Умоляла Кишимджан.
«Этот жаворонок серый —
Не твоя ручная птица», —
Отвечал ей Кудаке.
«Он случайно залетел
В непогоду в наш аил.
Мой сынок ему, играя,
Шею тонкую скрутил».

Услыхав такие речи,
Потемнела Кишимджан:
«Птенчик мой, мой быстрокрылый,
Был ты вестником надёжным,
Ты летел за Олджобаем,
Ты терял в полете силы.
Как же я теперь узнаю,
Где находится мой милый?»

Что ж теперь я буду делать?
Чтоб пропал ты, Кудаке!

С корнем вырвал ты цветок
Ранней юности моей.
Нет у жаворонка-друга,
Нет от милого вестей!»

И пошла, тихонько плача,
Дочка бая Кулджигача:
«С детства я его любила,
А за ним не проследила,
Я сама его сгубила —
Не встречала у аила».

Кудак с женою злой,
Только скрылась Кишимджан,
Стали жаворонка бить,
Чтоб заставить говорить.

Хоть и был избитым вестник,
Хоть в глазах остекленевших
У него застыла мука,
Он не проронил ни звука.

Тетка злая, как тигрица,
Мужу подлому под стать,
Из живой, несчастной птицы
Стала перья выдирать.

Била жаворонка тетка
И об землю головой.
Всё же, клюв не раскрывая,
Он молчал, как неживой.

Изведя его вконец,
Дикой ярости полна,
Птицу-вестника в очаг,
В пламя бросила она.
И уже почти сгорев,
Бедный жаворонок-вестник
Еле слышно пискнул: «Чук».

Не понять его никак,
Что такое значит «Чук?»
Что за странный это звук?

Может, это тайный знак
Передал беглец-кыпчак?

Кудаке гадал и думал,
Всех людей своих спросил:
«Что бы значил этот звук?
Может, есть земля такая,
Местность есть с названьем Чук»

И ему сказали люди,
Что за горными хребтами,
Далеко, за синью рек,
Где-то есть земля такая
Под названьем Чук-Терек.

И решил туда он ехать,
Если даже эта местность
От аила далека.
«Приготовимся,— сказал он,—
И отправимся,—сказал он,—
Наконец-то, мы поймаем
Олджобая-кыпчака.
Кто мне верен, тот поможет
Отыскать бродяги след».

Кудаке сказал джигитам:
«Мы бродягу Олджобая
Обязательно поймаем,
Оторвем ему язык!
Известим мы Байназара:
Возвращайся, мол, обратно,
За тебя, мол, отомстили
Мы бродяге-кыпчаку.
Непокорную невесту,
Если будет упираться,—
Мы веревками привяжем
К Байназару-жениху».

Вот на лошадь Алджико
Ловко вспрыгнул Кудаке.
Во главе всего отряда
Скачет, сумрачен и зол,

Словно это в поле стадо
За собой ведёт козёл.

Пыль вздымая на дороге,
Скачут всадники за ним.
Кишимджан глядит в тревоге:
«Что же будет с Олджобаем,
С белым соколом моим?»

Вот просторы Чук-Терека
Кудаке с людьми достиг.
Олджобай лежит в траве.
Вдруг он слышит сквозь дремоту
Над собою шум и крик.
Понял он, что Кудаке
На пути его настиг.

Со своим копьем в руке
Он вскочил на Гульбадам
И рванулся, словно тигр,
Чтобы мстить своим врагам.

Разъярившись не на шутку,
Он ворвался в их толпу,
Так, как будто беркут уток
Хочет сцапать на лету.

Так он яро бил врага,
Что соперников не раз
От могучего удара
Настигал последний час.

И джигиты Чилмайрана
Все пустились наутек.
Убегали, как бараны,
За которыми погнался
По пятам матёрый волк.

В страхе мечутся они,
На конях и без коней,
Переходят реку вброд
И ползут с горы на гору
Через глыбы из камней.

А смутьяна Кудаке,
Что грозился кыпчака,
Окружив, схватить живьем,
Смелый ловкий Олджобай
Отступить назад заставил,
Угрожая негодяя
Пригвоздить к седлу копьем.

Вскоре, выбившись из сил,
Побежденный Кудаке
Дёрнул лошадь Алджике
И помчался в свой аил.

А за трусом неотступно,
Изогнувшись, как архар,
Мчится храбрый Олджобай.
Пот струится с Гульбадам
И идёт горячий пар.

Мчится, мчится Олджобай
И кричит врагу вдогонку:
«Кудаке, не удирай!
Ты ж хотел, приятель мой,
Пригласить меня домой!»

Ускакав на Алджике,
Спасся хитрый Кудаке.

А джигиты говорили:
«У батыра Олджобая
Нет врагов у нас в аиле.
Зря нам головы разбили,
Зря мы ехать согласились,
Зря товарищей сгубили!
Кто ж за смерть людей ответит?»
Так джигиты говорили,
Проклиная Кудаке.
«Он заставил ехать нас,
Вечно сеет он раздор!
Из-за козней каждый раз
Терпим мы большой позор!
Хоть бы храбрый Олджобай

Не пустил его в аил!
Хоть бы ловкий Олджобай
Злого хищника убил!»

Смело дав отпор врагу,
Олджобай стоял, как беркут,
На высоком берегу.

Как заблудшие бараны,
Люди шли в одежде рваной
В Чилмайран, в родной аил.
Кишимджан глядит с тревогой:
«Кто же в битве победил?
Жив ли храбрый Олджобай
Иль джигитами сражён?
Вдруг на спящего напали,
У него ведь крепкий сон!
Или в битве, может быть,
Сам сумел он отомстить?
Или связанный врагами
Позади шагает он?
Иль, не дав себя схватить,
От ударов скрылся вдруг?
У кого бы мне спросить,
Где находится мой друг?»

Вот навстречу ей в аиле
Воин, чёрный весь от пыли,
С перевязанной рукой.
«Расскажи мне, где вы были,
Полегли иль победили,
Чем, скажи, тебе помочь?
Я ведь вашего народа,
Кулджигача-бая дочь».

И, сраженный красотой,
Он глядел в ее глаза,
И смуглянке молодой
Все, как было, рассказал:

«Кудаке послал джигитов
Ехать вслед за кыпчаком.

Олджобай в то время спал
Под чинарою густой.
Кудаке нам приказал
Олджобая окружить,
Чтобы снова не сбежал
Этот беркут молодой.
Все уверены мы были,
Что, врагами окруженный,
Он один не устоит.

Но поднялся он, могучий,
Стал чернее грозной тучи,
Серый конь под ним хрипит.
Не найдется человека,
Чтобы не был Олджобаем
Умертвлен или избит.

Хоть и не было с ним друга,
Хоть пришлось батыру туго,
Он ни капли не струхнул;
Ну, а хитрый Кудаке
Поскакал на Алджике,—
От расправы увильнул!
Словно ястреб малых пташек,
Нас погнал батыр бесстрашный,
Натерпелись мы беды!
Ни к чему враждуют люди,
Никогда добра не будет
От раздоров и вражды!

Слушай, милая сестрица,
Рассказал тебе я правду,
Ты меня не выдавай!
Говорят—один не воин,
Но одним мы все разбиты,
Если только быть джигитом,—
То таким, как Олджобай!»

Услыхав такие вести
О батыра славной мести,
Пелд сердце Кишимджан.
«Значит, жив отважный воин,
Значит, он теперь спокоен,—

Ликовала Кишимджан.—
Может, он под кровом ночи
Повидать меня захочет,—
Волновалась Кишимджан.—
Если клятва наша в силе,
Что ж мне ждать его в аиле?—
Рассуждала Кишимджан.
Олджобай, сестрой рожденный,
Он, наверно, ждет меня!
Как уйдет за горы солнце,
Тайно выведу коня!»

* * *

Над высокою горой
Дремлет месяц золотой.
Бьет копытом конь гнедой,
Скачет всадник молодой.
Так наряжен он и весел,
Словно он спешит к невесте
Иль в аил, на званный той.

Ночь спуститься не успела,
Как приехал Олджобай.
Подошел он к юрте белой,
Привязал тихонько лошадь,
И, войдя в жилище смело,
Занавески тронул край.

«Кто пришел?» — спросила тихо
Молодая Кишимджан.
«Кто впотьмах по юрте ходит?»
И ответил Олджобай:
«Если клятве ты верна,
Значит, ты моя жена!
Торопись! Везде враги,
Ночи стали коротки,
Не раздумывай, вставай!
Я вернулся за тобою,
Я—твой верный Олджобай».

Не слышал никто ни звука,
Не видал никто, как ночью
Двое вышли из дверей:

Олджобай — батыр бесстрашный —
С ненаглядною своей.

Навсегда ль они бросали,
Край, где в рощах птиц ловили,
Где гуляли меж полян,
Где росли детьми в аиле,
Где страдали, где любили...
Будь же счастлив, Чилмайран!

Горы снежные, прощайте,
Травы вешние, прощайте,
Детства солнечные дни...
Поклонясь земле родимой,
В путь отправились они.

Долго ехали в молчанье,
Чтобы их не слышал враг.
Едет пери с Олджобаем,
Молча смотрит пред собой.
«Байназар из Уч-Багыша
Пусть калым теперь богатый
Заберет обратно свой.
Жаль, что будет придирааться
Он к родителям моим!
Я, страдавшая в разлуке
Без батыра Олджобая,
Наконец-то, вместе с ним!»

Олджобай на Кишимджан
То и дело смотрит гордо,
Словно ястреб молодой.
Наконец, сбылось, что было
Их давнишнею мечтой!

Словно голуби, воркуют
Молодые меж собой.
Кони их шагают рядом;
Олджобай и Кишимджан,
Не тая влюбленных взглядов,
То целуются дорогой,
То батыр обнимет пери
За высокий гибкий стан.

То они, резвясь, как дети,
Словно борются на скачках,
То беспечный милый хохот
Вдруг срывается с их уст.
То они молчат подолгу
От избытка нежных чувств.

Голоса их слышны в поле,
То в ущелье, то в горах.
Едут рядом молодые
По горам. и по долам,
Едут степью, по холмам,
По дорогам, без дорог.
В зной их лица освежает
Ароматный ветерок.
Месяц светит средь ночей,
И прозрачною водою
Щедро их поит ручей.

Кишимджан сказала другу:
«Как мы долго горевали,
Сколько слез мы проливали,
Только, что бы ни случилось,
Клятве нашей мы верны!
Рождены мы друг для друга,
Для любви мы рождены!»

Шла дорога то направо,
То налево, вверх и вниз,
У ручья, в зелёных травах
Часто кони их паслись.

Если долго скачет лошадь,
Прошибает лошадь пот,
Если долго быть в разлуке,
Горе жаром обдаёт.

Пери взгляд, как месяц светел,
Брови черные—дугой.
Говорит она, ласкаясь:
«Вряд ли кто-нибудь на свете
Был несчастней нас с тобой!»

Здесь, где тихие предгорья,
Мы избавились от горя,
Не таим своей любви.
Вместе мы теперь до гроба!»

Обнимались молодые,
Прихорашивались оба,
И казалось—это птицы
Чистят перышки свои.

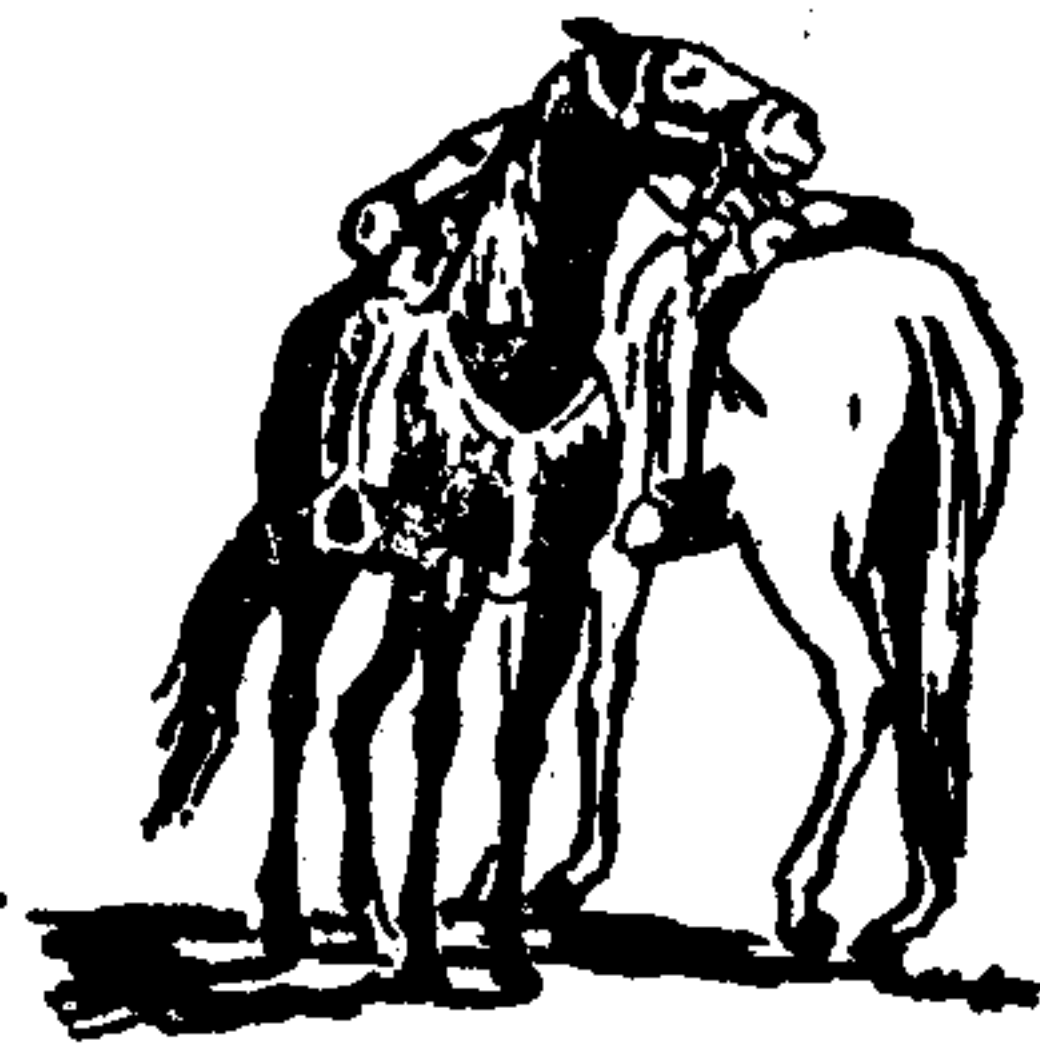
Где шумят густые травы,
Где лоснятся ковыли,
На три дня они остались
На земле благоуханной,
Под названьем Джийдейли.

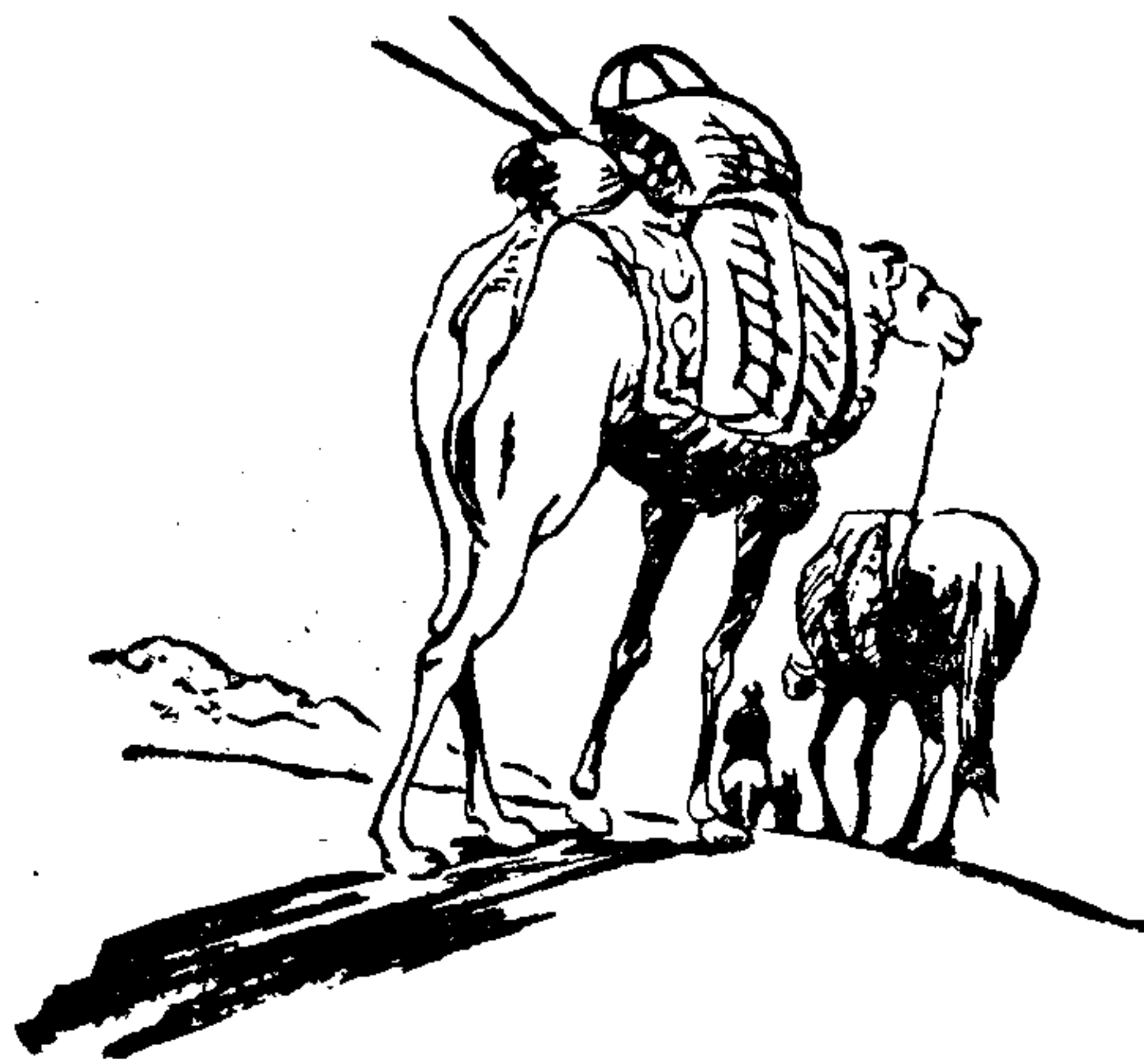
Думы их и мысли вместе,
Нет в сердцах у них тоски.
Им крылами машут гуси,
Им тенистыми ветвями
Машут тихо островки.
Скачут, прыгают архары,
По холмам, по ветерку,
Столько их на этом месте,
Сколько вдоль реки песку.

У сверкающей реки
Слезли с седел голубки.
Из цветов плели венки
И устроились, нарвав
Для постели мягких трав.

А вокруг цветут поля —
• Благодатная земля!
• На деревьях зреют фрукты,
Снег сверкает с высоты,
В травах красные цветы.
Темной ночью, в час рассвета
Хороша в разгаре лета
В легких волнах ковыля,
Эта мирная земля.

Эти горы, эти травы
Краше гор и трав родных.
Мир тебе, приют влюбленных!
Пусть себе живут спокойно
Эти двое молодых.

Глава 8

Как услышал Кудаке,
Что сбежала Кишимджан,
Разъярился Кудаке
И созвал своих людей.
Объявил всему народу,
Что оставила невеста
Свой родимый Чилмайран.

Он сказал: «Она связалась
С кыпчаком опять своим.
И в обиде Байназар
Заберет назад калым!
Он, наверно, отомстит нам
Вместе с баем Кулджигачем,
С кровным родичем моим.
Он народ наш уничтожит,
Если станем драться с ним!

Мы назавтра, ранним утром,
Сгоним скот и снимем юрты,
Мы простимся с нашим краем
И пойдем за Олджобаем.

Нам пока придется бросить
Чилмайран—наш край родной.
Коль сейчас не откочуем,
Мы погибли всем аилом
Из-за девушки одной!»

Кудаке — правитель властный,
Все с правителем согласны:
Лучше бросить Чилмайран,
Чем в бою с врагом погибнуть
От побоев и от ран.

И на завтра, ранним утром,
Разобрали люди юрты
И навьючили верблюдов—
Снарядили караван.
И красавицы аила,
Собираясь в путь-дорогу,
Разоделись, как могли.
Хмуро ехали джигиты
Через степи, через горы.
Уходил народ с позором
От своей родной земли.

Не осталось в Чилмайране
Ни одной живой души;
Ни собаки не осталось,
Ни коровы не осталось,
Ни котенка не осталось,
Ни тряпицы не осталось,
Даже рядом, в ближней роще,
Вдруг умолкли соловьи.

Молча гнали люди скот
С пастбищ брошенной земли.
Наконец, они достигли
На закате Джийдейли.
Вдоль реки с широким руслом,
Где курай разросся густо,
Разместили люди стадо
И остались всем аилом
На ночёвку, у реки.

Подожгли сухие ветки,
От костров пошли дымки.

Разбежались молодухи
С звонким хохотом и с криком
Рвать душистую клубнику.
От реки свернули вправо,
Где пестрят цветы полей.
Видят вдруг в высоких травах
Двух пасущихся коней.

Видят лошадь серой масти—
По прозванью Гульбадам.
Молодухам даже страшно
Верить собственным глазам.

Увидавши эту лошадь,
Дочь смутьяна Кудаке
Отделилась от подружек,
Побежала по тропинке
К месту стойбища — к реке.

Про коней отцу сказала:
«Там в траве они,— сказала,—
Олджобай, наверно, близко
С Кишимджан своей»,—сказала.

Сев на лошадь Алджике,
Крикнул людям Кудаке:
«Все садитесь на коней!
Я узнал, что Олджобай
Здесь с сестрицею моею!
Вместе схватим кыпчака!
И покончим разом с ним.
А сбежавшую невесту
Байназару отдадим!»

Так сказал народу бек.
И влюбленных окружили,
Весь народ, что жил в аиле,
Сколько было человек!

Олджобай, беду почуя,
Подбежал к седлу, надежды
Не теряя на побег.
Кишимджан, застыв на месте,
Стала белая, как снег.

И она шепнула другу:
«Дорогой мой Олджобай,
Поскорее уезжай!
Пожалей свою свободу,
К своему вернись народу.
Ни к чему с врагами биться,
Молодую жизнь губя.
Как бы люди, всем аилом,
Не схватили бы тебя!
Если им попасться в руки,—
Попадусь уж лучше я.
Всё же, что ни говорить,
Дочку бая Кулджигача
Не решатся умертвить!
Друг, послушайся меня,
Сядь быстрее на коня!»

Кудаке людей торопит:
«Эй, хватайте кыпчака!»
Олджобай вскочил на лошадь,
И понёсся через поле,
Ударяя каблуками
В лошадиные бока.

Вот к сестре своей подъехал
Разъяренный Кудаке.
Грозно длинную камчу
Он сжимает в кулаке.

Он приказывает людям:
«Эй, слезайте с лошадей
И стащите все одежды
С Кишимджан, с сестры моей,
Ей ножом разрежьте пятки
И насыпьте прямо в раны
Мелких огненных углей!»

Вы невесту не жалеете,
Вы камчой её избейте!
За предательство она
Быть проучена должна!
Из-за подлой этой твари,
Из-за девушки одной —
Люди все откочевали
От земли своей родной.

Дело плохо. Все сердиты
На бедняжку Кишимджан.
Встав с коней своих, джигиты
Сняли с девушки дрожащей
Белый шёлковый чапан.

Кулджигач с женою, плача,
Подбежал к несчастной дочке.
«Оттолкните Кулджигача!» —
Грозно молвил Кудаке.
Оттолкнули их со злобой,
И беспомощно на землю
Старики свалились оба.

Ёжась, словно жеребёнок,
Вся в пылающих рубцах,
Кишимджан была не в силах
Удержаться на ногах.

На её страданья глядя,
Торжествует Кудаке.

Олджобай с холма увидел,
Как глумятся над любимой,
Чуть не умер он от горя,
С гневным пламенем во взоре,
Он помчался на защиту
С острой саблею в руке.
Он летит один сражаться
С иступлённою толпой.
Кишимджан его страдает,
Разве может удержаться
Храбрый воин молодой?

Конь несётся озверелый,
Ржёт и брызжет пеной белой,

Как архар, он по дороге
Поджимает круто ноги.
Он летит, не спотыкаясь,
Чаще, чаще перестуки
Чаще, чаще звон подков.
Если Кишимджан страдает,
Если терпит стыд и муки,
Олджобай на всё готов!

Дрогнув, воины айла
Постепенно отступают.
Скачет лошадь Олджобая
Через поле, напрямик.

И к врагу батыр бесстрашный
Грозно ринулся, как тигр.
Кудаке пустился в бегство,
Но за трусом по пятам,
За его конём поджарым
Скачет в пене Гульбадам.

Вот уже их гривы рядом.
Олджобай свирепым взглядом
Своего сверлит врага,
«Стой, — кричит он, — трус несчастный,
Если шкура дорога!
От сраженья, прячься в горы,
Убегают только воры!»
Олджобай схватил за ворот
Чуть живого Кудаке.

Он скрутил его мгновенно
И прижал к седлу коленом,
Придавил, что было сил,
Словно в поле белый сокол
Утку дикую схватил!

И в руках его ягнёнком
Притворился Кудаке.
И взмолился Кудаке:
«Внучек бая, родич мой,
Что случилось, дорогой?»

Если я умру от горя,
Ты, батыр, своей рукой
Мне глаза мои закрой.

Из-за бегства Кишимджан
Я покинул Чилмайран,
Я отправился с народом
Из аила за тобой!
Хоть считались мы врагами,
Позабудь, батыр, что было!
Мы с людьми всего аила
Стать решили кыпчаками.
«Ну, а в этом, что невесту
Ты украл у жениха,
Нет особого греха!
Всё случается на свете!
За неё пред Байназаром
Ты и будешь сам в ответе».

Услыхав, что весь аил
Свой родной оставил край,
Устыдился Олджобай
И смутьяна отпустил.
«Коль виновен, так прости!
Разговор теперь иной:
Если в мой аил поедешь,
Значит, ты и родич мой.
В знак, что ты простил меня,—
От меня прими коня.
Мы друзья теперь с тобой.
У реки устроим той.
За невесту я в ответе.
Отдохнём и на рассвете
Все поедем к кыпчакам».
И недавнего врага
Посадил батыр на лошадь,
На красотку Гульбадам.

На глазах у всех людей,
Рядом с лошастью своей
Он пешком вошёл в аил.
А предатель Кудаке,

Тут же, за его спиной,
Удушить его петлёй
Всех своих подговорил.

Олджобай, о том не зная,
Сел под липой в холодок.
И свирепые джигиты
Стали сзади Олджобая
И набросили на шею
Лошадиный поводок.

Затянули петлю туго,
И затихнул он в пыли.
И беднягу ни кольчуга,
Ни любовь, и ни геройство,
И ни юность не спасли...

Был он статным, был красивым,
Был богат и знаменит,
Уважаем кыпчаками.
А теперь на старой иве,
Как обломанная ветка,
Без движения висит.

Он не чует даже солнца,
Что сверкает с высоты.
Он висит, петлёй затянут,
А над ним такое ж небо,
И пестреют на полянах
Те же летние цветы.
Весь народ айла плачет,
Видя горе Кулджигача,
Видя слёзы стариков.
Что им, бедным, остаётся?—
Только в горе над могилой
Проклинать своих врагов.

Навсегда сомкнув ресницы,
Величавый, бледнолицый,
Спит их мальчик Олджобай.
Стонет раненою птицей
Кишимджан — его подруга:
«Жизнь, любовь моя, прощай!»

Умер сокол Олджобай.
Он висит на старой иве,
Под ветвями, у реки.
И его в родном аиле
Ждут напрасно кыпчаки.

Торжествует Кудаке:
«Отомстил я Олджобаю,—
Он народу говорит,—
Из-за глупой Кишимджан,
Опустел наш Чилмайран;
На земле, у этой речки;
Ставьте юрты,— говорит.—
Будем жить в аиле новом,
Для жилья здесь всё готово,
Здесь пастись наш будет скот.
Услыхав про новость нашу,
Байназар сюда придёт».

Рьяно взялся он за дело:
Приказал со старой ивы
Снять безжизненное тело,
Чтобы в поле, у дубка,
Схоронили кыпчака,
Чтоб врага его могилу
Видел весь народ аила,
Чтобы каждый говорил:
«Кудаке — отважный бек,
Грозный сильный человек,
Кыпчака он победил!»

И довольный Кудаке
Разъезжает по аилу
На холёной Гульбадам.

Кишимджан ему сказала:
«Взял ты скот у багышей,
На несчастье родилась я,
Кудаке, сестрой твоей!
Кишимджан хлестали плетью
По приказу твоему.
Ты не дал пожить на свете

Олджобаю моему...»
И одна, где нет людей,
Дав слезам горючим волю,
Причитала Кишимджан:
«Нет на свете Олджобая,
Не достанется мне даже
Узелок его костей!»

Как безумная, глядела
На безжизненное тело
Молодая Кишимджан.

«Умер бедный Олджобай,
Светлый луч души моей!
Из-за козней Кудаке
Жизни он лишён своей!
Горе мне вонзилось в сердце,
Словно тысяча ножей,
Как же стану я невесткой
У народа багышей!»

Коль погиб любимый мой,
Не останусь я живой!
Лучше гибель, чем страдать!
Человеку, рано ль, поздно ль,
Всё равно ведь умирать!
Олджобай мой дорогой,
Пусть, где дремлют ковыли,
Будут вечным нам приютом
Эти земли Джийдейли.

Ты страдал из-за любимой,
Ты погиб, батыр, от зла.
Как же я тебя оставлю,
Не грусти, мой белый сокол,
Я навек к тебе пришла!»

«Что же будет с Кишимджан?—
Говорил вокруг народ.
Или выйдет за багыша,
Иль, оплакивая друга,
С горя, бедная, умрёт?!»

И пока они гадали,
Молодая Кишимджан
Острый вынула кинжал,
Тот, который незаметно
В рукаве её лежал,
И, вздохнув, со всею силой
В сердце лезвие вонзила,
И, упав на Олджобая,
Прошептала: «Я с тобой...»

Так они, стремясь друг к другу,
Оба, клятвы не нарушив,
Наконец, соединились.
Будут их тела и души
Век под кровлею одной.

Не за то ль их погубили,
Что друг друга полюбили
Эти двое молодых.

Человека нет в аиле,
Чтоб не плакал бы о них.

* * *

А жених из Уч-Багыша
Всё мечтает о невесте.
Он от бека Кудаке
Не имея долго вести,
В путь отправиться решил.
Возвратиться в их аил.
Мол, я дал большой калым,
Моя, я родич близкий им,
Мол, поеду в Чилмайран
За прекрасной Кишимджан,
Дал мне слово Кудаке,
Он — хороший человек!
Не способен на обман.

Только встал в горах рассвет,
Он, надеждою согрет,
На коне летит, не зная,
Что в живых невесты нет.

Вот и горы Чилмайрана.
Что за чудо? У реки,
Где стоял аил недавно,
Где над юртами струились
Синеватые дымки,
Где справляли люди той,
Ни одной души живой!

Байназар спешит вперед,—
Может, где пасётся скот?
У травы звенит вода,
Только даже от копыта
Нет на пастбище следа.

«Где же все? — подумал он.—
Или, может, их аил
Враг разрушил и спалил?»
От реки до ближних скал
Поражённый Байназар,
Словно гнался за оленем,—
На коне своём скакал.
Сокрушаясь, он твердил:
«Мой калым теперь пропал!

На пути из Чилмайрана
Он заметил каравана
Уходящего следы.
И поехал по дороге,
За которою белели
Гор высокие хребты.

И когда он прибыл к месту,
К тихим землям Джийдейли,
Был под ним скакун горячий
В мыльной пене и в пыли.
Слышит плач он, слышит речи
На пологом берегу.
Кудаке спешит навстречу
Байназару-жениху;
И повёл он гостя в юрту
С ним уселся на кошму.
Что случилось в аиле,
Рассказать решил ему.

Он сказал слова такие:
«Олджобай в аил приехал —
И увёз твою жену.
Мне с бродягою сражаться
Трудно было одному.
Я преследовал его,
Я в горах его словил,
Кыпчака перехитрил
И петлёю задавил».

Байназар был рад известью,
Что кыпчак попал в капкан.
Он, соскучась по невесте,
Поскорей спешит увидеть
Дорогую Кишимджан.

«Где же пери, как луна?
Где находится она?» —
Он спросил у Кудаке.
И без слова одного
Кудаке повёл его
В юрту белую, к реке.

В этой юрте, сдвинув брови,
Неподвижна, холодна,
На кошме, залитой кровью,
Кишимджан его лежала,
И над ней, как страж, стояла
В тёмной юрте тишина.

И увидел Байназар,
Что красавица мертва.
«Кишимджан любимой нет,
Значит, жизни тоже нет.
Ночь настала среди дня!
Зря надежду я таил,
Если только без жены
Я вернусь в родной аил,
Засмеют тогда меня.

Пусть народ услышит мой,
Что отважно, как герой,

Кончил с жизнью Байназар,
Что пошёл батыр в могилу
Вместе с умершей женой!»

И жених, промолвив это,
Грудь свою пронзил мечом.
Кровь из сердца Байназара
Алым хлынула ручьём.

Кудаке кричит в испуге:
«Что же все стоят на месте!
Из-за этих мертвецов
Надо ждать кровавой мести.
Не пройдёт и пяти дней,
Как придут кыпчаки,
Как придут багыши—
Отвечать тогда придётся
Головою мне своей!
Не простят нам эти гости
Смерти двух богатырей!
Что ж стоите вы на месте!
Хороните их скорей».

Люди вырыли могилу
И тихонько опустили
Байназара с Кишимджан.
Сверху камнем придавили
И засыпали песком.
Мол, пускай лежит невеста
С наречённым женихом!

А поодаль, у дубка,
Схоронили кыпчака.
Всем троим теперь спокойно
В глубине сырой земли.
И над ними ветер знойный
Стонет в травах Джийдейли.

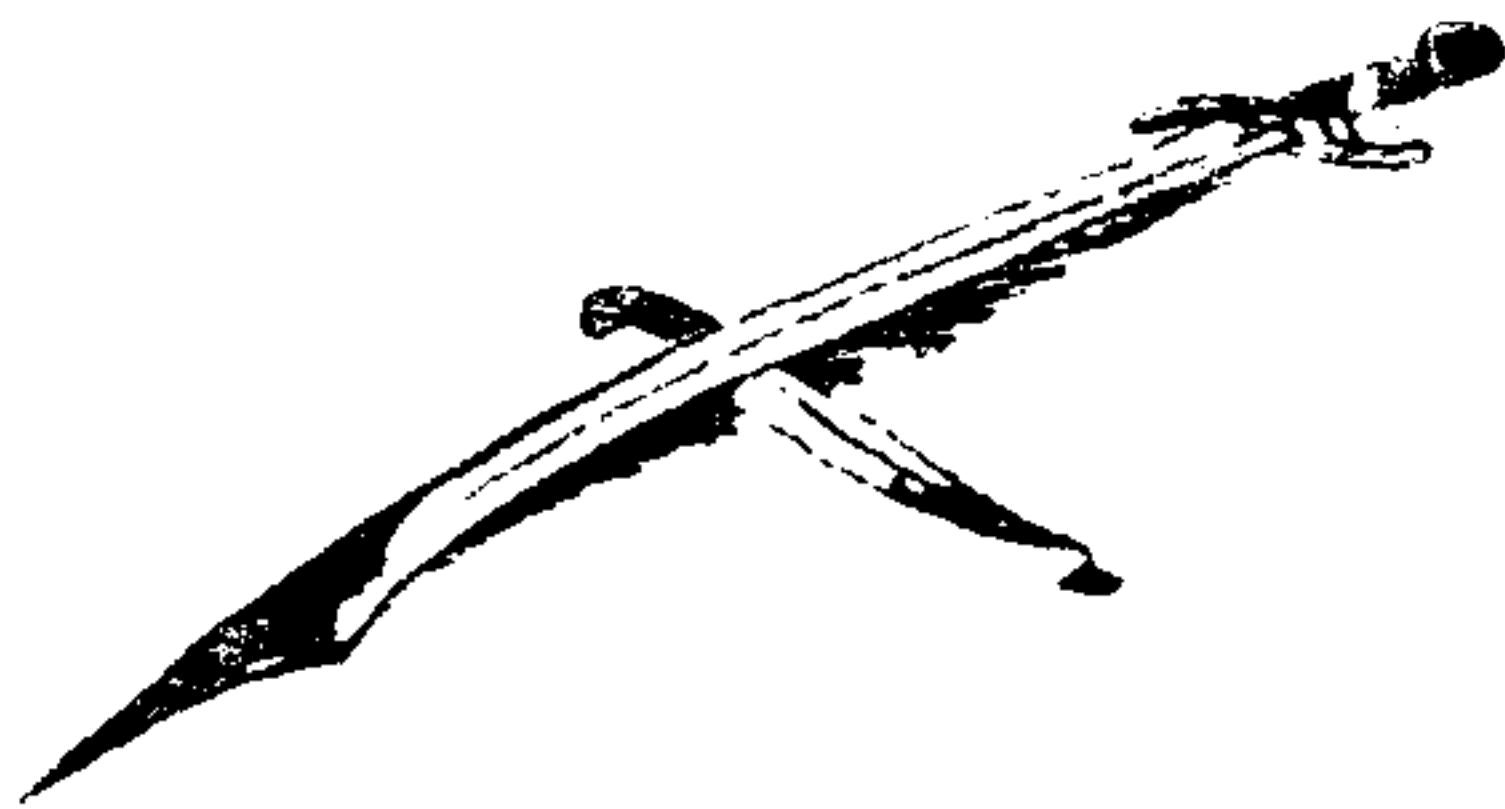
* * *

Где бы утки ни летали,
Всё равно их путь к озёрам
С серебристой синевою.
Люди, где б ни кочевали,

Всё равно они вернутся
К берегам земли родной.

Вот взвалили на верблюдов
Утварь, медную посуду,
Части юрты и тюки.
И отправились обратно,
Чтобы здесь их не застали
Багышы и кыпчаки.

Собираясь впопыхах,
Груз тащили на руках,
Аксакалы и джигиты
Шли обратно в Чилмайран.
Прибыв утром на стоянку,
Молодые и старухи
Копошились, словно мухи,
Разгружая караван.

Глава 9

Посылая человека
С горькой вестью в Тор-Айгыр,
Кулджигач сказал, рыдая:
«Расскажи всему народу,
Как погиб их эр-батыр.

Пусть узнает весь аил,
Что проклятый Кудаке
Дорогого Олджобая
Обманул и умертвил.
Отправляйся с этой вестью,
Пусть, скажи не медлят с мезью,
Пусть кыпчакские джигиты
Все садятся на коней!»

Мимо гор и быстрых рек
Мчался вестник на коне—
Нёс он весть о смерти хана,
Сам душой о нём скорбя.

«Как же я скажу всю правду,—
Рассуждал он про себя.—
Как скажу я Чачыке,
Как скажу я Бегимджан,

Что предатель Кудаке,
Удавил петлёй батыра
Из-за юной Кишимджан?!
Что она его любила,
Что сбежала из аила,
Что оставила народ.
Чтоб сказать слова такие,
Не раскроешь даже рот!»

Долго он стоял на месте
У аила кыпчаков.
Он видал, как гнали стадо
В сотни, в тысячи голов,
Видал игры он джигитов,
Скачки видел у реки,—
Ловкой силой знамениты
С малолетства кыпчаки.

И гонец стоял и думал:
«Был хотя б один из этих—
Из батыров молодых
Рядом с бедным Олджобаем,
Не попал бы сокол в сети
И остался бы в живых!»

Если я о смерти хана
И решусь поведать им,
Мне — гонцу из Чилмайрана—
Не уйти тогда живым!»

Видит он — навстречу едет
Через поле, напрямик,
Дряхлый сгорбленный старик.
И приветствовал приезжий
На дороге старика,
Протянул с почтеньем руку:
«У меня к тебе есть слово,
Поверни назад, аке,
Я ищу скалу такую,
На которой лёд не тает,
На которой отдыхают
Стаи тучек налегке.
Над которой на рассвете

Гуси белые летают,
Пред которою мелькает
Голубых озёр вода.
Может, ты, старик, расскажешь,
Как проехать мне туда?

На каком, скажи мне, месте
Кыпчаков стоит аил,
Ждут ли люди там известий,
Ждут ли, чтоб приезжий вестник
О вожде им сообщил?

Жил ли в славном Тор-Айгыре
Самый храбрый воин в мире,
Тот, который всех богаче,
Справедливей и умней?
Родич бая Кулджигача
С доброй матерью своей?»
И старик ему ответил:
«Родом я из Тор-Айгыра,
Но с какой, скажи мне, целью
Ты, батыр, спешил сюда?
Словно чем-то ты испуган
Иль с тобой стряслась беда.
Может, хан наш молодой
Друг тебе иль родич твой?
Ты о нём меня спросил...
Много дней прошло с тех пор,
Как оставил он аил,
Как уехал в дальний край
Вождь кыпчакский — Олджобай.
У предгорий Чилмайрана,
Говорят, наш хан живёт.
А отец его когда-то
Из-за дочери Кулджигача
Здесь оставил свой народ.

Был он славным кыпчаком,
Назывался Солтобаем,
Был народом он любим.
Вдалеке, в краю чужом,
Он скончался молодым.

Мы батыра Олджобая
Ждём сюда обратно к нам.
Если сокол улетает,
Рано ль, поздно ль, он вернётся
На озёра, к голубкам.
Если жарким душным летом
Хлынёт ливень на поля—
Оживут листья и травы,
Станет радостной земля!

Хана ждут у нас в аиле
Старики и молодые,
Ждут, что снова он покинет
Свой любимый Чилмайран.
И печалится о сыне
Мать, мудрейшая из женщин,
Дочка бая — Бегимджан.

Много дней с тех пор прошло,
Как уехал наш батыр.
Столько времени промчалось,
Сколько вод — в большой реке.
И, горюя по батыру,
Проливает вечно слёзы
Молодая Чачыке.

Ты спросил об Олджобае —
Мы в аиле ожидаем,
Что пришлёт он нам поклон.
Хоть батыр на дальних землях,
Хочет знать народ аила,
Жив ли он, здоров ли он?»

Услыхав такие речи,
Про себя подумал вестник:
«Зря я ехал в Тор-Айгыр.
Как же я скажу народу,
Что скончался их батыр?»

Наконец, собрался с духом
И поведал старику:
«Прибыл я из Чилмайрана,
Слышал я о вашем крае,—
Гость приехавший сказал.—»

Прибыл я с недоброй вестью—
Пусть простят меня!— сказал.—
Олджобай— ваш славный хан—
Был отважным кыпчаком.
Вдалеке от Тор-Айгыра,
Не дойдя в родной аил,
Он погиб в расцвете сил,
С хитрым встретившись врагом.

Кулджигач меня просил
Передать вам эту весть,
Он сказать меня просил:
Кровь, пролитою батыром,
Смоет только ваша месть.

Может, ты, старик, возмёшься
Эти горестные вести
Передать народу сам.
Осторожно, может, скажешь,
Чтоб не стала с горя мать
На себе одежды рвать,
Чтобы в горести не стала
Руки белые ломать
Молодая Чачыке,
Ты скажи, старик, народу.
Чтоб отправились джиггаты
Отомстили б Кудаке!»

Отвечал старик на это:
«Всё я понял, вестник мой,
Проходить тебе не стоит
От аила стороной!
Разве ты повинен в этом,
Что погиб от вражбх козней
Олджобай наш дорогой!»
Вот старик с приезжим гостем
Входит в юрту Бегимджан.
С ними входит весь народ,
Все косятся друг на друга,
В юрте жмутся от испуга,
И раскрыть не смеют рот.

Бегимджан глядит на гостя:
«Может, вестник этот знает,
Где сыночек, сокол мой?»

Нет в айле человека,
Чтоб не лил горячих слёз.
Бегимджан сказала людям:
«Погубили наше счастье,
Кудаке, коварный хищник,
Жеребёночка унёс!

Неужели, птенчик мой,
Под затылок подложив
Дёрн с казан величиной,
Ты в земле уснул сырой?
Кто же ждал такой беды?»

А наследник Олджобая
Был в то время на джайлоо.
Ничего ещё не ведал
Сын батыра — Акберды.

Бегимджан народ просила:
«Привезите, люди, внука,
Пусть он, бедненький, узнает,
Что беда стряслась с отцом;
Что погиб он от обмана,
А не в битве с храбрецом.

Акберды ещё ребёнок,
Но растёт в отца—герой!
Слово скажет пусть народу
Жеребёнок молодой».

Поскакали на джайлоо
И сказали Акберды:
«Бегимджан тебе велела,
Чтоб вернулся ты домой».

На степи, меж трав высоких,
Утром — смех, а ночью — той,
А отъехал он немного
На своей двухлетке рыжей,
И ему сказали люди:
Мол, отец скончался твой.

И услышав весть, от горя
Застонал батыр-юнец.
Он помчался, с ветром споря,

Через реку, через горы,
Неустанно повторяя:
«Умер бедный мой отец...»

До аила он скакал.
Увидал толпу народа,
Чуть на землю не упал.

И сказал он кыпчакам:
«Видно, знает весь аил,
Кто предательской рукою
Моего отца убил!

Многочисленный народ,
Неужели посрамим
Мы — кыпчакский славный род?
Не уроним доброй чести,
Соберёмся, люди вместе!
Мы предателя отыщем,
И разделаемся с ним!
И за гибель Олджобая
Мы убийце отомстим!—

Так сказал наследник хана—
Смелый мальчик Акберды.—
Поспешим к тому аилу,
Полетим по той дороге,
Где ещё дожди не смыли
Моего отца следы!»

И откликнулись батыры
На горячий этот зов.
Нет в аиле человека,
Чтоб остался равнодушен
К правде высказанных слов.

Жил ты много или мало,
Коль беда тебя застала,
Не спасёшься от беды.

...Оседлал коня Саралла
Юный сокол Акберды.
Богатырские доспехи
На себя батыр надел.
Хвост коня перевязал
И подпругу затянул.

Собираясь в путь-дорогу,
Ни о чём другом не думал,
Глаз ни разу не смыкал.
О своём отце погибшем
Безутешно горевал.

В час, когда большое войско
Отправлялось из аила,
Уходило в Чилмайран,
Грустно внуку говорила
На прощанье Бегимджан:

«Сын сыночка моего,
Сиротливый мой птенец,
Ты поскачешь с этим войском
По дороге, где когда-то
Ездил храбрый твой отец.

Где у снежных гор высоких
На холмах пасётся скот,
Там живёт в большом аиле
Многочисленный народ.

Там чинары над рекою,
В ближних рощах—соловьи.
Там вдали погибли двое
Из-за горестной любви.

Кудаке, проклятый хищник,
Их обманом погубил.
Как приедет ваше войско
К Чилмайрану, в тот аил,
Ты смотри, мой воронёнок,
Поступай, родной, с умом,
Будь безжалостным с врагом,
Бей его, сыночек милый,—
Пусть погибнет злобный гад,
Но не тронь народ аила,
Он ни в чём не виноват!

Кудаке на преступленье
Подстрекал всегда аил.
Хоть племянник Кулджигача,
Хоть и родственник наш кровный,—
Олджобая он сгубил.

Если ты его изловишь,
То на том же самом месте,
Где отец схоронен твой,
Ты проклятого зарой.

Повидай ты в Чилмайране
Кулджигача-старика,
Обними покрепче деда
И вернись назад с победой,
Соколёнок дорогой».

Люди слушали сурово,
Как напутственное слово
Говорила Бегимджан.
Хоть отважный предводитель
С виду был почти ребёнок,
Войско с ним идти готово
В ненавистный Чилмайран.
Многочисленное войско
Снарядили кыпчаки.

На ветру шумят знамёна
И колышутся флажки.

Бегимджан, хотя и в горе,
Хоть не мил ей белый свет,
С гордой радостью во взоре
Поглядела внуку вслед.

Впереди отряда скачет
Смелый юноша-джигит.
Меч его звенит, сверкая,
И копьё в руке горит.

Грозен гнев в орлином сердце
У отважного юнца.
Не страшится воин смерти,
Он готов на поле боя
Отомстить ценой любой
За погибшего отца!
Видно было из аила,
Как летел он перед войском,
Грозный, в латах золотых,
Словно нёс в себе он силу
Соплеменников своих.

Вот над снежными горами
Всплыло розовое солнце,
Озарило Чилмайран.
Акберды коня стегает,
Нетерпением горя.
«Здесь родился мой родитель,
Здесь он умер», — говоря.

Вдруг герой вдали увидел,
Что в траве пасётся лошадь
Серой масти — Гульбадам.
Прослезился сын батыра
И подумал сын батыра:
«Это лошадь храбреца!
На кобыле серой этой
Я вернусь назад с победой,
Отомстивши за отца!»

И в аил с недоброй вестью
Он послал гонца вперёд.
Мол, встречать густое войско
Пусть готовится народ.
Пусть узнают в Чилмайране,
Что приехал сын батыра
С грозной саблею в руке.
Пусть сюда, на поле брани,
Выйдет подлый Кудаке.

Услыхав такие вести,
Кудаке застыл на месте.
Стал придумывать он средство,
Как избежать им беды:
«Может, дочь свою Айсулу
Дать в невесты Акберды?»

Кулджигач, узнав о войске
И о том, что всех джигитов
Вёл наследник Олджобая—
Храбрый мальчик Акберды.
Стал он богу бить поклоны,
Спину гнуть, земли касаясь

Клином белой бороды.
У него окрепло сердце,
Как услышал эту весть:
«Значит есть на свете правда,
Справедливость значит есть!»

Кудаке пока метался
И покуда собирался
Замести свои следы,
Окружили негодяя.
Перед ним стоял, как мщенье,
Как виденье Олджобая,
Сын батыра—Акберды.
Кыпчаками окруженный,
Кудаке взывал к народу,
Но стояли люди молча,
Как вершины снежных гор.
Мол, дождался ты расплаты,
Отвечай за всё, проклятый,—
Говорил народа взор.

Был он схвачен кыпчаками,
Был истерзан и избит.
Он к Сараллу был привязан,
Был привязан к Гульбадам.
И когда рванулись кони,
Кудаке сухое тело
Разорвалось пополам.

.....
Это не было, иль было...
В Чилмайране, у аила,
В роще свищут соловьи;
И поёт комуз трёхструнный
О батыре Олджобае
И о девушке, погибшей
Из-за горестной любви.

